

ДОБРОЕ ДЕЛО

ТИШРЕЙ 5771

48

СЕНТЯБРЬ 2010

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

ОДЕССА

"БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ"

С 3 по 5 сентября в Киеве прошел XII Международный театральный фестиваль "Блуждающие Звезды", посвященный классике еврейской литературы Шолом-Алейхему.

Цель фестиваля — возрождение и сохранение еврейской культуры, в том числе культуры идиш в Украине. В фестивале участвовали профессиональные и самодеятельные театральные коллективы из России и Украины. И тысячи киевлян и гостей города могли познакомиться с лучшими спектаклями артистов Москвы, Одессы, Житомира, Белгорода-Днестровского, Львова.

На открытии фестиваля выступили заместитель министра культуры и туризма Украины Т.Кохан, советник-посланник

Посольства Российской Федерации в Украине В. Лоскутов, дипломаты, государственные и общественные деятели. Произведения Шолом-Алейхема и современных авторов звучали на идиш, украинском и русском языках.

Житомирский театр малых форм "Еврейский бульвар" вместе с Польским театром им. Ю. Крашевского показал спектакль "Жизнь вопреки судьбе", по произведению Л. Эйцхорна, Белгород-Днестровский театр — студия «Бейт-Летц» порадовал зрителей спектаклем по произведению В. Сорокина "Риторические ответы", а Киевский театр музыкальных историй "Нешоме" — спектаклем по пьесе И. Портниковой «Любовь по Фрейду».

Театральная студия «Одесские дворики» Культурного центра Хесед показала мюзикл по мотивам комедии Шолом-Алейхема "Царствие небесное" — либретто и стихи Семена Вайнבלата, музыка Ирины Александровской, постановка Михаила Крупника. В спектакле на сцене Киевского муниципального академического театра оперы и балета для детей и юношества участвовали Ирина Александровская, Николай Михайлуца, Иосиф Жеребкер, Борис Шпринц. И киевская публика по достоинству оценила их мастерство, награждая наших артистов продолжительными аплодисментами.

Одесситы порадовали зрителей и литературно-музыкальной композицией "Песни Матвея Блантера", в которой, кроме занятых в мюзикле, играли Светлана Потапенко и Алла Шеваленко.

Заслуженной наградой студии "Одесские дворики" стал Диплом, вручая который М. Крупнику, председатель оргкомитета

фестиваля Аркадий Монастырский пожелал одесситам новых творческих успехов.

Праздничный концерт 2 стр.

Своевременно и полезно 2 стр.

Вся жизнь ее — неповторимость 3 стр.

Наша гостиния 4 стр.

Они достойны звания Праведник народов мира 5 стр.

В. Жаботинский "Если можно будет опять начать с Одессы..." 6 стр.

Р. Александров "Такой город" 7 стр.

А. Хасин "Каторга моя — Ланжерон..." 8 стр.

Вера Инбер "Место под солнцем" 9 стр.

Семен Липкин "Записки жильца" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

Владимир (Зеев) Жаботинский (1880 — 1940)

Он был неутомимым борцом за слова, уже подъезжая к Раздельной, создание еврейского государства, "начинал ликующе волноваться". И старые талантливым публицистом, прозаиком, камни одесских домов, улицы, переулки, поэтом, драматургом, переводчиком, приморские склоны, о которых он писал, мемуаристом. 130 лет назад, 18 октября еще помнят Владимира (Зеева) 1880 года он родился на Базарной улице Жаботинского. в Одессе, которую любил так, что, по его

Материалы о В.Жаботинском — на стр. 6—7.

16 октября 1941 года в Одессе было тепло, солнечно, необычно тихо и очень страшно. На рассвете, в 5 часов 30 минут, порт покинул крейсер "Червона Україна" с последними защитниками Одессы на борту. Героическая оборона города закончилась, начались черные дни оккупации и Катастрофа одесских евреев.

Вечная память невинным жертвам фашизма! Низкий поклон Праведникам мира, спасавшим евреев. Здоровья и благополучия выжившим в эти страшные годы!

О работе, службах и программах БФ "Хесед Шаарей Цион" читайте на сайте www.hesed-odessa.com

ВНИМАНИЕ!
Проводится подписка на газету "ДОБРОЕ ДЕЛО" на 2011 год.

Стоимость — 6 грн 30 коп., подписной индекс — 09720

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" — 73740-21; Служба "Питание" — 737-40-11;
Программа "Медицина" — 737-40-32; Культурный центр — 737-40-13;
Служба волонтеров — 737-40-24; Дневной центр — 737-40-30;
Газета "Доброе дело" — 737-40-12

Праздничный концерт

Г. Невара

присутствующих с праздником, пожелала здоровья, счастья и сладкого Нового года.

В этом ярком представлении, как всегда, в один праздничный букет сплелись выступления профессионалов и юных исполнителей. Открыл концерт ансамбль Одесского национального университета им. И. Мечникова "Фолкленд", который задорно исполнил попури из еврейских мелодий.

Лауреат международного конкурса еврейской песни Клара Меламед представила на суд зрителей клип, созданный на музыку собственного сочинения. Его сюжетной

основой стала повесть А. Грина "Алые паруса". Недавно в Одессе прошел 1-й Международный гриновский фестиваль "Алые паруса", на котором Клара стала первой Ассолью.

Показал свое искусство и инструментальный дуэт в составе Александра Козавякина (фортепиано и вокал) и Виктории Волох (скрипка), который гармонично аккомпанировал сестрам-близнецам Соне и Веронике Шерман-Сазоновым, исполнившим песню "Аллилуйя", тепло встреченную зрителями.

Впервые в Хеседе выступил молодой саксофонист, лауреат многих композиторских конкурсов Владислав Шульженко. Он исполнил композицию из еврейских мелодий.

Во втором концерте принял участие созданный в этом году вокально-инструментальный коллектив в составе лауреатов и дипломантов фестивалей Инны Фавинской, Инны Шафир и Лидии Шницер-Костеняк. В их исполнении прозвучали вокальные сочинения П. Чайковского и А. Варламова.

На концерте выступила младшая группа ансамбля "Кохавим", исполнившая еврейскую песню (солистка Наталья Бакина).

Заслуженная артистка Казахстана Галина Невара, пользующаяся неизменным успехом у зрителей, исполнила созвучную празднику "Молитву" Булата Окуджавы и песню Олега Митяева "Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались".

Театральная студия "Одесские дворики" (режиссер-постановщик Михаил Крупник) выступила с театрализованным представлением "С песней по дорогам фронтовым", посвященным выдающемуся композитору Матвею Блантеру. Это были песни юности тех, кто сидел в зале: "В городском саду", "В лесу прифронтовом", "Жди меня", "Катюша", "Летят перелетные птицы" и др. Исполнители: заслуженная артистка России Людмила Высочиненко, лауреаты

С песней по дорогам фронтовым

фестиваля "Шолом, Украина!" Ирина Александровская и Иосиф Жеребкер, актеры студии Светлана Потапенко, Николай Михайлуца, Борис Шпринц.

Расходясь по домам, восторженные зрители уносили в своей душе радость от всего, что способствовало их приобщению к еврейской истории, культуре и музыкальным традициям.

Жанна Михайлова

Своевременно и полезно...

"Хесед Шаарей Цион" — благотворительная организация. Ее клиентами являются более 7000 граждан разных национальностей. Из них более 1500 — ветераны Великой Отечественной войны и бывшие узники нацистских концлагерей и гетто. В большинстве своем это одинокие люди, нуждающиеся в социальной, а многие в медико-социальной помощи. Государство сегодня еще не в состоянии удовлетворить все потребности нуждающихся в этой сфере, особенно среди незащищенных слоев населения. Поэтому местным органам власти активно помогает решать эту проблему Хесед, работающий по программам социального обслуживания людей на дому и в стационарных условиях. По программе "Уход на дому" Хесед оказывает медицинскую, социально-психологическую и социально-бытовую помощь более 900 одиноким, пожилым, тяжелобольным, нетрудоспособным жителям Одессы и Одесской области.

В 2010 году Городским советом Одессы был проведен конкурс социальных проектов по реализации "Программы решения приоритетных социальных проблем города с использованием механизма социального

заказа". По его итогам в номинации "Социальное обслуживание тяжелобольных, в том числе на дому и в стационарных условиях" первое место заняла Благотворительная Фундация "Хесед Шаарей Цион". Средства, выделенные Хеседу горсоветом, как победителю конкурса, и спонсорская поддержка Джойнта, позволили 25-26 сентября провести обучающий семинар для социальных работников и сотрудников социального отдела Хесед, в котором участвовало 120 человек. Начальник социального отдела Феликс Гринман организовал и провел семинар на профессиональном уровне. Удачно было выбрано место его проведения — пансионат "Волна" в Затоке, где само расположение и обстановка располагает к творческой работе, эффективным практическим занятиям.

В ходе семинара были определены и обсуждены многие проблемы, жизненно необходимые клиентам Хесед. Специалисты по социальной работе подготовили и выступили с докладами по многим вопросам, с которыми постоянно сталкиваются соцработники. С докладами выступили специалисты по социальной работе. Об оказании доврачебной

помощи клиентам при неотложных состояниях рассказала Инна Мойченко. Ирина Хацкевич выступила с докладами "Проблемы желудочно-кишечного тракта у пожилых людей" и "Остеопороз и гармоничная система". Все доклады участники семинара слушали с огромным вниманием, поскольку каждый из них заинтересован был в получении дополнительных знаний, необходимых для оказания эффективной помощи клиентам Хесед.

Слушают все...

На семинар были приглашены одесские психологи Александр и Антонина Савостины. Они распределили участников семинара по группам, в занятиях каждой из которых рассматривали сложные актуальные вопросы, связанные с межличностными взаимодействиями и методами саморегуляции эмоциональных состояний. Слушатели предлагали свои варианты решения проблем и во многих случаях находили правильные ответы на вопросы, как правильно поступать в типичных ситуациях.

Особенно острые дискуссии разгорались тогда, когда слушателям предлагали рассмотреть нестандартные, не предусмотренные никакими инструкциями ситуации, которые всегда могут возникнуть при работе с пожилыми больными людьми.

Множество вопросов слушатели задавали при рассмотрении темы "Уход за лежачими и малоподвижными клиентами". Ф. Гринман и И. Хацкевич давали на них конкретные и лаконичные ответы, уделяя особое внимание работе с клиентами, страдающими сахарным диабетом.

Специалисты по социальной работе организовали и провели тренинги и ролевые игры по обучению социальных работников социальному обслуживанию и надлежащему уходу за одинокими, пожилыми, тяжелобольными и нетрудоспособными клиентами. При этом рассматривались типичные ситуации.

В завершение семинара был проведен "Круглый стол", на котором подвели итоги его работы. И все выступающие подчеркивали пользу таких мероприятий для повышения квалификации специалистов по социальной работе и соцработников, и подчеркивали необходимость периодического проведения таких семинаров.

С. Вайнблат

О людях, о жизни, о море...

Анна Львовна Розен приветствовала гостей Культурного центра, Ида Львовна Нудельман исполнила на фортепиано щемящую сердце воспоминаниями песню "Вечер на рейде", и началась презентация книги Аркадия Хасина "Порт назначения — ад", которая недавно вышла в одесском издательстве "Оптимум". В новую книгу давно и хорошо известного посетителям Культурного центра постоянного автора нашей газеты "Доброе дело" А. Хасина вошли десять очерков: "Породненная с морем", "Трагедия, о которой приказано было молчать", "Адмирал Нахимов" идет на дно" и другие.

"На наших глазах родилась эта традиция — в конце лета или в начале осени встречать новую книгу Аркадия Иосифовича, — сказал ведущий презентацию журналист Ростислав

Александров. — Это девятнадцатая его книга, а по сути, он всю свою морскую, а потом сухопутную жизнь пишет одну книгу — о людях, о море, в котором провел более пятидесяти лет, о родной Одессе, о страшных годах оккупации, выстраданных им в детстве. Аркадий Иосифович давно нашел свой стиль и свою авторскую интонацию, потому что, читая его книги, будто слушаешь рассказы бывалого, мудрого, равнодушного к жизни, видевшего добро и зло, очень доброго человека и безусловного одессита, как называл таких людей любимый автором Константин Паустовский".

После этого короткого вступления о себе и о своей книге рассказал Аркадий Хасин: "Эта книга — воспоминания о дальних

плаваньях, о жизни, о встречах с интересными людьми, о событиях, в которых довелось участвовать или быть их свидетелем. В прошлом году мне довелось принять участие на встрече, посвященной памяти погибших моряков теплохода "Адмирал Нахимов", и я понял, что должен написать об этой трагедии, потому что плавал с капитаном балкера "Петр Васев", который утопил "Нахимова".

Об этой трагедии, о многом другом собравшиеся задали А. Хасину много вопросов, на которые он обстоятельно отвечал. Неожиданно зазвонил его мобильный телефон, и он, извинившись, ответил сыну-капитану, который пребывал со своим судном близ берегов США — такова

жизнь и такова семейная традиция, нередкая в Одессе.

На презентации выступили бывшая узница гетто Майя Грановская, редактор газеты "Доброе дело" Семен Вайнблат, судовой электромеханик, друг автора книги Александр Гун. Всегда и охотно откликающаяся на приглашение выступить в Культурном центре, мастер художественного слова Елена Куклова прочитала очерк "Каторга моя — Ланжерон" из новой книги Аркадия Хасина, которую он подарил библиотеке Хесед.

А в конце встречи Ида Львовна вернулась к фортепиано, и по залу поплыли мелодии еврейских и украинских народных песен.

А. Винник

От редакции: очерк А. Хасина "Каторга моя — Ланжерон" напечатан на стр. 8.

Вся жизнь ее — неповторимость

Музыканты, любители музыки, музыкальная общественность ждали этого более 10 лет. Хотя уже 45 лет музыковед Анна Львовна Розен — автор и ведущая множества музыкальных программ и циклов Одесской филармонии — известна и почитаема в Одессе и за ее пределами. Официальное признание ее творческих заслуг пришло лишь сейчас, благодаря усилиям и настойчивости Хеседа и других общественных организаций.

Мы еще раз поздравляем Анну Львовну Розен с присвоением почетного звания «Заслуженный работник культуры Украины», желаем ей здоровья и новых творческих успехов!

Как все дети войны, Анна Львовна пережила трудности и лишения военного и послевоенного времени. А в трехмесячном возрасте во время эвакуации из Одессы она чудом была спасена во время катастрофы теплохода.

Родившись в музыкальной семье и унаследовав музыкальные способности, она училась в музыкальной школе им. Глазунова, а с 3-го класса — в школе им. П.С.Столярского. В 50-е годы девочке-еврейке, окончившей эту школу у чудесного педагога — профессора М.Старковой с золотой медалью, дочери известного в городе музыканта, Льва Самойловича Розена, поступить в Одесскую консерваторию было невозможно. Поэтому родители выбрали для продолжения ее образования Саратовскую консерваторию, в которой был сильный преподавательский состав из московских педагогов, оставшихся там после эвакуации. Аня Розен, понимая, что родители едва сводят концы с концами, начала работать в детской музыкальной школе при Одесском Доме офицеров, обучаясь в Саратовской консерватории заочно. И еще раз проявились унаследованные ею музыкальность, добросовестность, трудолюбие и настойчивость: со 2-го курса по настоянию профессора Д. Серова она начала заниматься на двух факультетах: окончила музыковедческий факультет, через год — фортепианный.

Работая в школе и занимаясь в консерватории, Анна Львовна в 1964 году после прослушивания на худсовете начала работать в Одесской филармонии лектором-музыковедом, и эта трудовая деятельность продолжается поныне.

За годы работы в филармонии Анна Львовна провела тысячи концертов, создала множество интересных программ и авторских циклов, таких как «Юный меломан» — для детей и юношества и «Эти разные музыки грани» — для взрослых.

Названия ее лекций «Наш дом — созвучье муз и вдохновенья», «Природы вечной голоса», «Чую ласку твою я, рідненька» и других отображают поэтическую душу автора — знатока музыки и опытного лектора. С каким бы настроением люди ни пришли на концерт, они забывают невзгоды, оказавшись в волшебном мире, куда их уводит музыковед. Поэтическая натура Анны Львовны проявляется в капустниках и вечерах с друзьями и сотрудниками, для которых она всегда пишет искрометные стихи.

Анна Львовна много работала с симфоническим и камерным оркестрами филармонии, вела концерты таких удивительных музыкантов, как С.Сондецкий, Д.Китаенко, Ф.Мансуров, М.Плетнев, В.Спиваков.

Ее авторские программы, посвященные жизни и творчеству Бетховена, Римского-Корсакова, Шопена и многих других, реализуемые с коллективами и исполнителями Одесской филармонии, тепло принимаются слушателями. С концертными бригадами филармонии Анна Львовна провела тысячи лекций-концертов

в филармонических залах, районных дворцах культуры, рабочих коллективах, на полевых станах в Украине и России. Нередко рассказывая о творчестве композиторов и поэтов, она великолепно аккомпанирует исполнителю, случается, что и без нот.

Достоинством признанием таланта и оценкой заслуг Анны Львовны стал факт включения ее в состав жюри международного фестиваля «Данко», который выявил яркие музыкальные дарования среди детей и юношества.

Готовясь к лекции, Анна Львовна изучает литературные источники, посещает выставки, беседует с историками музыки, отыскивает малоизвестные факты и мастерски выстраивает увлекательное повествование.

Председатель Одесской областной государственной администрации Э.Матвийчук вручает А.Розен знак «Заслуженный работник культуры Украины»

Анна Львовна — неутомимая путешественница, побывавшая более чем в 20 странах Европы, Америки и Ближнего Востока, где профессионально интересовалась местной культурой, обычаями, музыкальными традициями, а потом превращала свои впечатления и приобретенные знания в интереснейшие лекции, своего рода «заочные путешествия». Так, ее слушатели будто вместе с ней побывали в Скандинавии, где узнали много нового о Эдварде Григе и Гансе Христиане Андерсене, в США, где «повстречались» с Джорджем Гершвиным, а в Польше — с Фредериком Шопеном...

В ее исследовательской и просветительской работе, связанной, в частности, с необходимостью технической обработки и демонстрации фото- и кинодокументов, аудио- и видеозаписей, Анна Львовна помогает кандидат технических наук Вениамин Яковлевич Паниман, любящий супруг и верный друг. Их взаимная преданность и любовь созвучна с любовью и преданностью ее тезки — Анны Розен — жены декабриста Андрея Розена, которые никогда не расставались и которые, несмотря ни на что, счастливо прожили 60 лет.

Неравнодушный человек, истинный патриот Одессы, Анна Львовна как автор и музыковед часто принимает участие в различных литературно-музыкальных мероприятиях, проводимых областным Советом Мира, общественными организациями, консульствами иностранных государств и др., таких как традиционные «Золотая осень в Одессе» и многие другие.

Творческие и организаторские способности Анны Львовны раскрылись с особой силой 11 лет назад, когда она по конкурсу заняла должность директора клуба (Моадона). Скрамный клуб, куда приходили клиенты Хеседа на праздники, шabbаты и др. мероприятия, усилиями, талантом и непререкаемым авторитетом Анны Львовны превратился в Еврейский культурный (не только по названию) центр Одессы. Под ее руководством, при ее непосредственном

участии созданы и успешно работают в Одессе, Белгороде-Днестровском, Балте более 40 кружков и клубов по интересам. Любители шахмат и книголюбы, самодеятельные поэты и рукодельницы, любители хорового и сольного пения, музыканты и те, кто изучает идиш, иврит, английский язык, бывшие фронтовики, люди, имеющие проблемы со здоровьем и желающие поправить его, — все с удовольствием и радостью приходят в Культурный центр Хеседа, предвкушая радушный прием и интересные мероприятия. Восемь «Теплых домов», еженедельные каббалат-шabbаты, праздничные концерты, юбилейные вечера, выступления перед многочисленными иностранными миссиями, воскресные программы, участие самодеятельных исполнителей и коллективов Хеседа в музыкальных фестивалях — все это требует огромной и кропотливой организационной и профессиональной работы, персональной заботы, ответственности и непосредственного участия Анны Львовны. За годы работы в Хеседе Анна Львовна, хормейстер и композитор Валентина Ульяш подготовили профессиональный хор, ансамбли и исполнителей, ставших лауреатами республиканских и национальных фестивалей. Будучи профессионалом, Анна Львовна, тем не менее, постоянно повышает свою квалификацию, окончив, к примеру, Санкт-Петербургский институт социальных и общинных работников им. В. Розенвальда.

Исследовательский талант Анны Львовны позволил ей разработать и показать в Хеседе десятки программ, посвященных жизни и творчеству знаменитых деятелей культуры, таких как И. Кальман, И. Дунаевский, М. Матусовский, М. Блантер и многие другие. Анна Львовна вернула одесситам забытое имя певца Эмиля Горовца, открыла одесситам творчество израильтян Наоми Шемер, Леви Шаар, Рахель Блуштейн. Творческие люди с готовностью принимают приглашения Анны Львовны и участвуют в организованных ею мероприятиях.

Жажда творчества, стремление приобщить людей к прекрасному вдохновляют ее на разработку новых программ, организационно-культурных мероприятий, на поиск новых форм общения со зрителями. В этом цель и смысл ее жизни.

Пожелаем Анне Львовне успехов во всех ее начинаниях и замыслах на радость нам и попросим Бога дать ей здоровье и силы! И мы считаем, что творческого человека непременно нужно поздравить стихами.

*Мы долго ждали: справедливость
Восторжествует, наконец.
На Анну Львовну — власти милость —
Надет заслуженный венец.*

*В ней поражает увлеченность,
Святая к музыке любовь.
Нас восхищает одаренность
В искусстве слова вновь и вновь.*

*В свое наследство музыкальность
Вплела искуснейшую речь,
Развив одесскую ментальность
Прекрасных музыкальных встреч.*

*Вся жизнь ее — неповторимость
Разнообразных добрых дел,
Идей ее неудержимость,
Задумок новых беспредел.*

*И ни одной при том задачи
Невыполненной к сроку — нет.*

*Дай Анне Львовне, Бог, удачи,
Счастливой жизни много лет!*

Марк Хаит

І äãññêèà

íîâîñòè

Сверка и внесение изменений в персональные данные в списках избирателей проводятся в отделах Госреестра:

в Киевской районной администрации: ул. Академика Королева, 9, каб. № 9 в рабочие дни с 9.00 до 18.00 (перерыв 13.00—14.00), в субботу — с 9.00 до 13.00. Телефон: 39-22-13;

в Приморской районной администрации: ул. Канатная, 134, каб. 8, 9, 10, 11 в рабочие дни с 9.00 до 18.00 (перерыв 13.00—14.00) Телефоны: 776-04-01, 392-145, 392-146, 392-160, 392-139;

в Малиновской районной администрации: ул. Генерала Петрова, 22, каб. 128, 129, 130, 131 в рабочие дни с 09.00 до 18.00 (перерыв 13.00—14.00), в субботу с 9.00 до 13.00. Телефоны: 734-95-54, 734-95-55, 734-95-56;

в Суворовской районной администрации: пр. Добровольского, 106, каб. № 201 (2-й этаж) в рабочие дни с 9.00 до 19.00 (перерыв 13.00—14.00), в субботу с 9.00 до 13.00. Телефоны: 758-32-11, 755-10-33.

Для сверки при себе необходимо иметь паспорт гражданина Украины или временное удостоверение гражданина Украины.

С 5 по 14 сентября в Международном аэропорту «Одесса» осуществлена ежегодная программа обслуживания рейсов хасидских паломников, которые съезжались в Умань на празднование Рош-а-Шана. Для обслуживания прибывших хасидов в аэропорту были установлены временные павильоны для таможенных и пограничных постов. Безопасность паломников обеспечивал линейный отдел милиции Международного аэропорта Одесса и подразделение Внутренних войск МВД Украины.

Воздавая почести непосредственным участникам героической обороны города Одессы во время Великой Отечественной войны, а также ветеранам воинской службы и труда, которые своим самоотверженным служением оказывали содействие послевоенному возрождению города и активно трудятся ради сохранения славной памяти, патриотического воспитания молодежи, социальной защиты ветеранов, учрежден Памятный знак одесского городского головы «73 дня героической обороны Одессы».

16—17 сентября 2010 года в Одессе состоялись рижельские академические чтения. Цель — обсуждение стратегических документов, связанных с определением политико-правовых инструментов реформирования системы государственных органов, государственного управления в сфере государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Распоряжением одесского городского головы Куцвалов Виталий Александрович назначен на должность заместителя председателя Суворовской районной администрации Одесского городского совета с 14 сентября 2010 года.

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители "Нашей гостиной"!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем всегда посещать "Нашу гостиную", поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хесед, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Информация к размышлению

Обращаем внимание клиентов Хесед на то, что на пластиковые карточки начисляются кредиты до конца 2010 года, т.е. за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.

Продовольственные товары

Пострадавшие от нацизма

1-я категория нуждаемости: одинокие — 800 грн, не одинокие — 750 грн;

2-я категория нуждаемости: одинокие — 550 грн, не одинокие — 420 грн;

3-я категория нуждаемости: одинокие — 360 грн, не одинокие — 330 грн;

4-я категория нуждаемости: вне зависимости от семейного статуса — 350 грн;

Бывшие узники гетто и концлагерей — вне зависимости от семейного статуса — 800 грн;

Не пострадавшие от нацизма

Праведники мира — вне зависимости от семейного статуса — 800 грн;

1-я категория нуждаемости: одинокие — 600 грн, не одинокие — 500 грн;

2-я, 3-я и 4-я категории нуждаемости — вне зависимости от семейного статуса — 230 грн.

Медикаменты

Пострадавшие от нацизма

1-я категория нуждаемости: одинокие — 1100 грн, не одинокие 1000 грн;

2-я категория нуждаемости: одинокие — 800 грн, не одинокие — 700 грн;

3-я категория нуждаемости: одинокие — 600 грн, не одинокие — 500 грн;

Бывшие узники гетто вне зависимости от семейного статуса — 1100 грн.

Не пострадавшие от нацизма

Праведники мира вне зависимости от семейного статуса — 1100 грн.

1-я категория нуждаемости: одинокие — 500 грн, не одинокие — 400 грн.

По всем вопросам, связанным с определением статуса пострадавшего от нацизма, семейного статуса и категории нуждаемости, **убедительно просим обращаться только к своему куратору.**

Обращаем внимание клиентов, которые получают в Хеседе подгузники и пеленки в связи с тем, что процедура выдачи их компьютеризована,

выдача подгузников производится только по предъявлению пластиковой карточки. Без нее подгузники не выдаются.

Сообщаем также, что в сентябре и октябре все клиенты, которые имеют медицинские показания на использование подгузников, смогут получить по **2 пачки.**

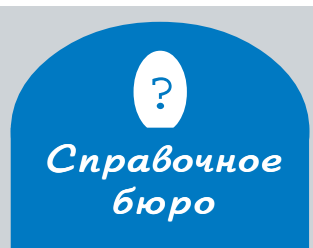
Новое в Дневном центре

Социальная комиссия Хесед рассмотрела пожелания многих наших клиентов, связанных с работой Дневного центра. Рассмотрев эти предложения, Социальная комиссия приняла решение внести изменения в графу «Дневной центр» действующих Критериев постановки на учет и оказания благотворительной помощи в БФ «Хесед Шаарей Цион».

До этого право посещения всех мероприятий Дневного центра было предоставлено только одиноким ограниченно мобильным клиентам Хесед. С 16 сентября право на участие в этой программе имеют не только одинокие, но и одиноко проживающие (имеющие детей в г. Одессе) клиенты, но только те из них, кто ограниченно мобилен.

При этом Дневной центр по-прежнему не имеют право посещать клиенты Хесед, страдающие психическими и кожными контактными заболеваниями.

Клиенты, желающие быть включенными в программу «Дневной центр», должны обратиться к своему куратору с соответствующим заявлением.

Г-жа Ф-штейн. Вопрос: В последний квартал года для покупки медикаментов мне выделили сумму в 1000 гривень. На 500 гривень я сразу купила лекарства, потом пришла в Медицинский отдел и попросила поставить на другой рецепт штамп для покупки лекарств на оставшуюся сумму. Но мне ответили, что имеют право ставить штамп только на один рецепт, а со вторым нужно пойти в ту аптеку, где ранее была сделана покупка, и там этот рецепт присоединят к первому, и можно будет купить лекарства. А если я теперь хочу пойти в другую аптеку, или если мой первый рецепт потеряли? Правильно ли это?

Ответ: Правильно. Штамп Хесед с указанием суммы, начисленной на пластиковую карточку для оплаты медикаментов, ставится только на один рецепт, и действие его распространяется на все остальные, которые вы предъявите вместе с ним в аптеке. «Главный» рецепт со штампом хранится в аптеке до 15 ноября с.г., и если у Вас остается сумма после предыдущих покупок, можно приобретать лекарства по другим рецептам, пока не будет

использована вся выделенная сумма. Поэтому второй штамп не ставится, и, соответственно, в другую аптеку обращаться нельзя.

Г-жа Он-ская. Вопрос: Мой муж получал хорошую пенсию, и мы обслуживались в Хеседе по 3-й категории нуждаемости. Неделю назад муж умер и я осталась одна, а пенсию получаю маленькую. Куратор сказал мне, что теперь у меня будет 1-я категория нуждаемости и на мою карточку начислят дополнительные деньги. Но мы уже воспользовались карточкой в начале сентября. Куратор прав?

Ответ: Ваш куратор абсолютно прав. Поскольку Хесед начисляет средства для оплаты медикаментов и продуктов за весь квартал, то в случае, если после этого у клиента ухудшается материальное положение и, соответственно, изменяется его категория нуждаемости, мы производим перерасчет и начисляем дополнительную сумму в начале последнего месяца квартала. Главное, чтобы информация об изменении категории нуждаемости своевременно поступила в программы «Питание» и «Медицина».

Новое в программе JFS (Детская программа)

По многочисленным просьбам родителей детей, которые обслуживаются в этой программе, начинается прием посетителей в Хеседе по воскресеньям с 8.00 до 16.00, кабинет №211.

В рамках сотрудничества с Международным еврейским общинным центром «Мигдаль» по воскресеньям будут также проводиться мероприятия программы в здании центра «Мигдаль» на ул. Малая Арнаутская, 46 - а.

Подробную информацию об этом можно получить по телефонам 737-40-27 и 0503912470 (Ирина, Юля).

О Лекарственной корзине и подписке на газету "Доброе дело"

По программе «Медицина» Хесед оплачивает своим клиентам стоимость только тех медикаментов, которые включены в Лекарственную корзину. Об этом давно известно каждому нашему клиенту. Список медикаментов, включенных в Лекарственную корзину, занимает несколько страниц газеты. Тем не менее, мы каждый год полностью публикуем его в нашей газете «Доброе дело». А в этом году мы публиковали его дважды. И кураторам тоже раздали. Казалось бы, что ничего не стоило вырезать этот список из газеты, сохранить и показывать своему лечащему врачу. А он, ознакомившись со списком, по возможности выписывал бы больному те лекарства, которые в него включены.

Но клиенты наши до сих пор звонят нам и требуют ответить, включен ли тот или иной препарат в Корзину. Но сотрудники медицинской службы не могут помнить названия всех 600 медикаментов, а потому должны прекратить обслуживание пришедших клиентов и проверять наличие лекарства в Лекарственной корзине.

Поэтому мы убедительно просим наших клиентов подписаться на газету «Доброе дело», сохранять перечень лекарств, включенных в Лекарственную корзину, а также материалы рубрики «Наша гостиная», в которой публикуются инструктивные документы Хесед, информация о работе социальных программ.

Они достойны звания Праведник народов мира

Война – это Прошлое... Но оно влияет на Настоящее, и без памяти о нем у людей нет Будущего. Это должны помнить все, но особенно важно знать о прошлом нашим детям, внукам. Ведь это их родные и близкие пережили тяжелые годы Великой Отечественной войны. Благодаря добрым и сердечным людям память о том времени не умирает.

Недавно я познакомился с Татьяной Полонецкой, которая по своему характеру отзывчива к чужим невзгодам и всегда старается хоть чем-нибудь, но помочь людям. Родилась она в селе Ольшанка Кировоградской области, а с 1952 года живет в Одессе. Еще со школьной скамьи она подружилась с Людмилой Ткаченко, которая, узнав, что Татьяна работает волонтером Дневного центра БФ "Хесед Шаарей Цион", познакомилась с ее соседом Иваном Дмитриевичем Черватуком. Ему сейчас 86 лет, но, несмотря на солидный возраст, у него хорошая память и он любит вспоминать годы юности. Когда Татьяна познакомилась с ним, то узнала о его родителях и о нем много важного и значимого.

Иван Дмитриевич живет в Одессе, на Куяльнике. О событиях почти семидесятилетней давности говорит живо, но с грустью. До Великой Отечественной войны его родители жили в селе Чернивы Винницкой области. Отец, Дмитрий Иванович, и мать, Ефросинья Яковлевна, работали в колхозе, а их сын Иван учился в школе. Мирная жизнь закончилась, когда в село вошли немцы. Его жители неоднократно были свидетелями того, как фашисты вели колонны евреев в село Троповая, где было расположено гетто.

Иван Дмитриевич вспоминает, как однажды вечером в январе 1942 года в окно их дома кто-то постучал. Отец и мать, выйдя на крыльцо, увидели мальчика лет 12-13. Уже не первый раз к ним в окно стучались еврейские дети. Так как гетто располагалось недалеко, то детям до 12-13 лет разрешали выходить за пределы лагеря в поисках пищи.

Отец и мать предложили мальчику еду.

— Хлеб нам дают, — сказал он, — а вот погреться у огня или переночевать никто не пускает.

— Ты один? — спросил отец.

— Нет.

— А кто с тобой?

— Нас семнадцать ребят.

В селе, где каждый хорошо знает друг друга, дать приют одному-двум мальчикам — это было реально. Но поселить

у себя семнадцать человек! Односельчане давали ребятам хлеб, вареный картофель, иногда одежду, но оставить у себя в доме нуждающихся в ночлеге — на такое никто не решался. И как бы хорошо люди ни относились к ребятам, но каждый боялся за своих родных и близких: фашисты могли избить, но могли и расстрелять.

— Только вы можете нам помочь, — сказал мальчик и объяснил: — Мы ко многим стучались, многих просили. Почти все говорили "нет" и закрывали двери. А одна женщина сказала, что опасается за своих детей, а потом показала на ваш дом и сказала: "Если там не приютят, то больше никто!"

— Где же остальные? — спросил отец.

Мальчик несколько раз тихонько свистнул, и через минуту во дворе дома стояли 17 детей. Ярко светила луна. Лица ребят были бледны и серьезны. Наверно, они уже ни на что не надеялись, но не жаловались, не плакали.

Только после войны, размышляя о том, почему отец и мать дали детям ночлег, Иван Дмитриевич понял, что родители не смогли им отказать, так как они были люди искренне верующие в библейские заповеди. С Библией они ложились спать, с Библией и вставали. Отец и мать помнили слова из книги Исайя: "Накорми голодных, приюти бездомных и одень раздетых". Эти слова для них всегда были святы. В тот момент они не думали о себе, не думали, что может быть облава или кто-то из соседей может выдать. Они действовали так, как подсказывало им сердце.

В селе были немцы, но, несмотря на это, Дмитрий Иванович и Ефросинья Яковлевна дали ребятам еду и одежду, а затем повели их к копнам сухого камыша. Это было надежное место. Черватуки знали, что немцы сюда не приходят. Копны были толстые, крепкие. Дмитрий Иванович вместе с сыном Иваном помог ребятам поставить конусообразные копны как можно плотнее друг к другу, чтобы они хорошо защищали от ветра, а внутри их можно было бы согреться. Ребятам здесь понравилось, и они остались ночевать.

Семен — мальчик, который привел своих сверстников к дому Черватуков, — считался старшим. Ребята слушались его безоговорочно. Пожив несколько дней в копнах и поняв, что от холода и голода они не умрут, мальчики решили не возвращаться в гетто.

Но как ни прячься, а от людских глаз ничего не скроется. О том, что в камышах живут еврейские дети, узнал

председатель колхоза Иван Цыганюк, который не только не сообщил немцам о них, но и поручил конюху Михаилу ежедневно вывозить их в соседнее село, где не было фашистов. Утром на повозке дети уезжали, а вечером возвращались. Во всем они вели себя по-взрослому. Потом Дмитрий Иванович узнал, что они из Буковины, а говорили ребята между собой по-украински и по-еврейски.

Четыре месяца (с января по апрель 1942 года) семья Черватуков прятала 17 детей. В тот год зима была холодной, поэтому ребята часто ночевали в доме. Они спали на чердаке, в подвале, за печкой, за шкафами. Иван Дмитриевич помнит, как один из них по имени Велвл учил его, тогда восемнадцатилетнего, считать и говорить на языке идиш. Да и сейчас, спустя 68 лет, он помнит некоторые из выученных тогда слов.

Иван Дмитриевич не может без волнения рассказывать о тех годах. Он говорит о ребятах, а скупые мужские слезы катятся по его щекам. И дочь его Мария, слушая эти воспоминания, гордится бабушкой, дедушкой и отцом за их мужество и героизм.

Даже после войны о спасении еврейских мальчиков в семье Черватуков боялись рассказывать, не зная, как власти истолкуют их действия, и сыну наказали молчать об этом. Они не знали о музее Яд ва-Шем в Израиле, где собирают сведения о тех, кто со смертельным риском для жизни спасали евреев. Поэтому Иван Дмитриевич почти 70 лет никому ничего не рассказывал. И только сейчас, благодаря Людмиле Ткаченко и Татьяне Полонецкой, мы узнали о подвиге семьи Черватуков. Укрывать в течение четырех месяцев 17 человек — иначе как подвигом не назовешь. Каждый из этой семьи достоин звания Праведника народов мира.

А Ивану Дмитриевичу так хочется, чтобы хоть один из тех мальчиков откликнулся. Он верит, что они дожили до конца войны и вернулись в родную Буковину. И если этот номер "Доброго дела" попадет в руки хотя бы одного из тех, кого спасали Черватуки, пожалуйста, напишите или позвоните в редакцию. И мы обязательно сообщим Ивану Дмитриевичу радостную весть. Верю, что кто-то из малолетних узников гетто помнит эти четыре месяца и откликнется, ведь детская память очень цепкая! Сейчас вам как минимум восемьдесят, вы прошли с тех пор многими дорогами бед и страданий. Но Иван Дмитриевич, человек скромный и сердечный, верит в чудо! Он достоин того, чтобы спустя годы услышать слова благодарности в адрес его родителей — Дмитрия Ивановича и Ефросиньи Яковлевны. И хочется, чтобы его ожидания не были напрасными.

Семен Вайнблат

Мы ждем всех!

Шахматная студия Культурного центра представляет результаты закончившихся летом соревнований. Турнир в честь Дня Победы прошел в настольной борьбе на всех шахматных досках. И хотя первое место традиционно досталось доктору Владимиру Шапиро, второе—пятое места поделили четыре участника: Леонид Мильман, Павел Личиницер, Михаил Файнгерш и Лариса Фельдман.

Ее результат нужно отметить особо. Ведь она противостояла сильнейшим шахматистам нашего клуба, каждый из которых изо всех своих сил пытался обойти ее. Выступавшим в таком сильном окружении шахматистам хорошо известны все трудности этого положения. Но Лариса взяла на себя ответ за всех шахматисток и не только не уступила никому, но и удержала планку на "серебряном" уровне. И за это спасибо ей!

Значительно продвинулся в клубных турнирах М. Файнгерш. Он, как и П. Личиницер и В. Бреславец, победил лидера турнира и в новых соревнованиях, по-видимому,

будет бороться за "золото". Осуществив это, он, как и другие серебряные призеры, откроет дорогу идущим по пятам Леониду Когану, Давиду Горенштейну и новым членам клуба.

На Мемориале чемпионата Одессы, Украины, Израиля Якова Юхмана борьба была столь упорной, что единоличного лидера вообще не удалось выявить. Первенствовали трое: Денис Розенвассер, Эдуард Онилов, Моисей Хазанкин. Серьезную конкуренцию им составили Аркадий Учитель и Марк Фельдман, но войти в этот триумvirат не удалось, и "золото" было поделено на троих. Поздравляем!

Позволю себе небольшой экскурс в историю. Шахматные правила, по которым мы сейчас играем, существуют около 600 лет. Из них более 200 лет все играющие восхищаются комбинацией Легалья — в шахматной истории это самая известная и быстрая победа. Была она в партии Кермюр сир де Легаль — кавалер сен Бри. Париж, кафе "Режанс", 1787 год.

1. e4, e5
2. Kf3, d6
3. Cc4, Kc6

4. Kc3, Cg4
5. K:e5!?, C:d1
6. C:f7+, Kpe7

7. Kd5X1

Остается добавить, что в 1787 году Легалю исполнилось 85(!) лет. Прошло более двух веков, а партия, ставшая событием шахматной истории, молода, как и ее создатель. Возможно, приближается время, когда среди членов нашего клуба (по опыту и по возрасту) может появиться новый Легаль — только нужно искать. Мы продолжаем обычные и блиц-турниры, посвященные памяти Леонида Мильмана, и второй — юбилею чемпиона Одессы, Украины, США (троекратно) международного гроссмейстера экстра-класса Льва Альбурта.

Наш клуб работает каждое воскресенье с 10 до 14 часов на улице Нежинской, 77/79. Здесь все способствует общению и творчеству: внимание руководства и волонтеров, условия проведения шахматных встреч. Мы ждем всех — от мала до велика. Добро пожаловать!

Гл. судья фестиваля А. Вайнер

Мужественно и достойно

В прошлом номере нашей газеты мы сообщили читателям, что в Москве по модели скульптора Георгия Франгуляна начали готовить к отливке из бронзы памятник Исааку Бабелю. Макет памятника понравился его вдове Антонине Николаевне Пирожковой, потому что "внешность Бабеля отображена достаточно достоверно", как написала она из небольшого города близ Вашингтона.

Недавно оттуда пришла скорбная весть о том, что 12 сентября на 102 году Антонина

Николаевна ушла из жизни, которую она прожила мужественно и достойно. Исаака Бабеля расстреляли 26 января 1940 года, Антонина Николаевна осталась одна с маленькой дочерью Лидой, которую воспитала и дала образование. А сама она проектировала московский метрополитен и железнодорожные тоннели, потом преподавала в Институте транспорта, написала учебник, по которому и сегодня учатся студенты, и воспоминания о Бабеле, составила двухтомник его произведений.

В 1966 году она с семьей переехала в США. "Я и здесь не остаюсь без работы, — писала она. — Для собственного удовольствия и для потомства пишу воспоминания о моей жизни, пишу дополнения к воспоминаниям о Бабеле и отвечаю на адресованные мне письма".

К сожалению, не дожила она до открытия памятника Бабелю в его родном городе. Но все написанное ею останется связующим звеном между прошлым и будущим, между Бабелем и его читателями. И Антонина Николаевна останется в нашей благодарной памяти.

130 лет со дня рождения Владимира Жаботинского

Владимир Жаботинский

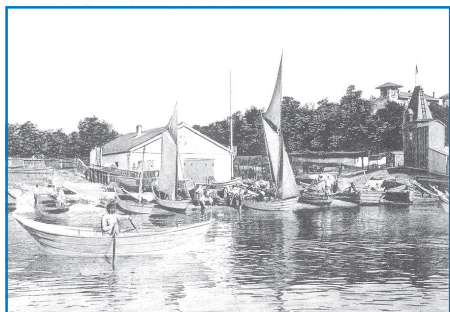
“Если можно будет опять нагнать с Одессы...”

Фрагменты из романа “Пятеро”

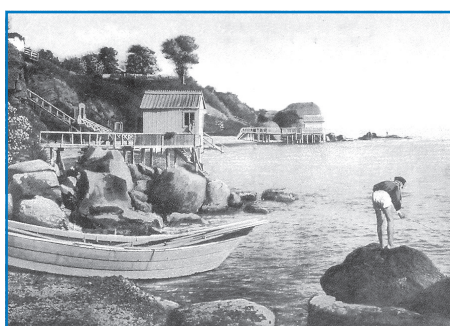
Редакция наша находилась тогда в верхнем ее конце, в пассаже у Соборной площади; и, по дороге туда, ежедневно я проходил по всей длине этой улицы, королевы всех улиц мира сего. Почему королевы, доводами доказать невозможно: почти все дома с обеих сторон были, помнится, двухэтажные, архитектура по большей части среднего качества, ни одного памятника. Но такие вещи доводами не доказываются; всякий титул есть мираж, и раз он прилип и держится не отклеиваясь, значит — носитель достоин титула, и баста. Я, по крайней мере, никогда в те годы не мог бы просто так прошмыгнуть по Дерибасовской, как ни в чем не бывало, не отдавая себе отчета, где я: как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие или выпала мне на долю привилегия, и я невольно подтягивался и пальцем пробовал, не развязались ли галстук; уверен, что не я один.

Свое лицо было и у фрейлин королевы, поперечных улиц на пути моего паломничества. Я начинал шествие снизу, с угла Пушкинской: важная улица, величаво сонная, без лавок на том квартале; даже большая гостиница на углу почему-то не бросалась в глаза, не создавала суматохи, и однажды я, солгавши друзьям, будто уехал за город, прожил там месяц, обедая на террасе, и никто знакомый даже мимо не прошел. Кто обитал в прекрасных домах кругом, не знаю, но, казалось, в этой части Пушкинской улицы доживала свои последние годы барственная, классическая старина, когда хлебники еще назывались негодьями и, беседуя, мешали греческий язык с итальянским.

Следующий был угол Ришельевской; и первое, что возмещало особое лицо этой улицы, были столы менял, прямо тут же на тротуаре под акациями. На столах под стеклом можно было любоваться и золотом, и кредитками всех планет солнечной системы, и черноусый уличный банкир, сидя тут же на плетеном стуле с котелком или фетровой шляпой на затылке, отрывался от заморской газеты и быстро обслуживал или обсчитывал вас

Большой Фонтан

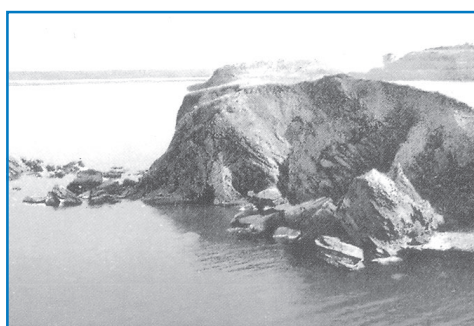
Средний Фонтан

на каком угодно языке. Так знакомилась с вами верхняя артерия черноморской торговли. Пересекая ее, всегда я бросал завистливый взгляд налево, где с обеих сторон сияли золотые вывески банкирских контор, недосыгаемых магазинов, олимпийских цирюлен, где умели побрить человека до лазурного отлива...

Потом Екатерининская: бестолковая улица, нито и ни се; притязала на богатство, щеголяла высокими франтоватыми домами вчерашнего производства, и почему-то “сюдою” по вечерам вливался и на Дерибасовскую, и на близкий бульвар главный поток гуляющих; а чуть подалее, справа, шумные, как море у массивов, запруженные сидящими, окруженные ожидающими, темнели биржи-террасы кофеен Робина и Фанкони.

Но в то же время “сюдою” и няньки водили малышей в детский сад, что уютился под обрывом у самого бульвара; и приказчики и посыльные, с пакетами и без, тут же сновали между городом и портом; и сама портовая нация, в картузах и каскетках набекрень, и дамы в белых платочках часто предпочитали чем тащиться по отведенным для этого сословия плейбейским “балкам” и “спускам” гордо взмыт к высотам прямо из гавани по ста девяносто восьми гранитным ступеням знаменитой лестницы (одно из восьми чудес света) — и наверху, мимо статуи Дюка в римской тоге, сразу вторгнуться в цивилизацию и окропить тротуары Екатерининской водометом подсолнечной шелухи. Не просто угол двух улиц, а микрокосм и символ демократии — мешанина деловитости и празднотания, рвани и моды, степенства и босячества...

Квартал между Екатерининской и Гаванной я проходил с ощущением (хотя бы даже только что и пообедал) гастрономического подъема, чаще всего машинально переправляясь на правый тротуар: там, в огромном и приземистом доме Вагнера, в глубине пустынного двора уютилась старая таверна Брунса, где в полночь, после театра, ангелы небесные, по волшебным рецептам рая, создавали на кухне амброзию в виде сосисок с картофельным салатом, а Ганимед и Геба (я путаю демонологические циклы, но благодарный восторг не покоряется правилам) сами за перегородкой отцеживали из боченка мартовское пиво. — Здесь, у Брунса, в одну такую ночь, по

Малый Фонтан

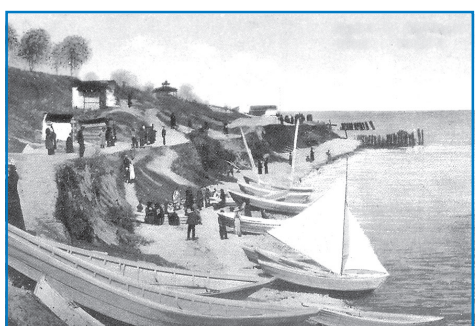
поводу, о котором будет рассказано в другой раз, Марко вдруг отстранил от себя уже поданное блюдо с сосисками и заявил мне, что отныне переходит на сурово-кошерную диету.

...Рука зудит воздать подробную хвалу и остальным углам:

Красному переулку, с крохотными домиками в сажень шириной, последней крепости полутурецкого эгейского эллинизма в городе, который когда-то назывался Хаджибей; тихой Гаванной улице, куда незачем было сворачивать извозчикам; Соборной площади, где кончалась Дерибасовская и начинался другой, собственно, мир, с иным направлением улиц, уже со смутным привкусом недалеких оттуда предместий бедноты — Молдаванки, Слободки-Романовки, Пересыпи, — словно здесь два города встретились и, не сливаясь, только внешне сомкнулись. Но нельзя без конца поддаваться таким искушениям; а главное сделано — мы добрались до угла Дерибасовской улицы и Соборной площади, где это началось — и там же, минутой спустя, кончилось.

Вероятно, уж никогда не видать мне Одессы. Жаль, я ее люблю. К России был равнодушен даже в молодости: помню, всегда нервничал от радости, уезжая за границу, и возвращался нехотя. Но Одесса — другое дело: подъезжая к Раздельной, я уже начинал ликующе волноваться. Если бы сегодня подъезжал, вероятно, и руки бы дрожали. Я не к одной только России равнодушен, я вообще ни к одной стране по-настоящему не привязан; в Рим когда-то был влюблен, и долго, но и это прошло. Одесса — другое дело, не прошло и не пройдет...

Если бы можно было, я бы хотел подъехать не через Раздельную, а на пароходе; летом, конечно, и рано утром. Встал бы перед рассветом, когда еще не потух маяк на Большом Фонтане; и один одинешенек на палубе смотрел бы на берег. Берег еще сначала был бы в тумане, но к семи часам уже стали бы видны те две краски — красно-желтая глина и чуть-чуть сероватая зелень. Я бы старался отличить по памяти селения: Большой Фонтан, Средний, Аркадия, Малый; потом Ланжерон, а за ним парк — кажется, с моря видна издали черная колонна Александра II. То есть ее, вероятно, теперь уже сняли, но я говорю о старой Одессе.

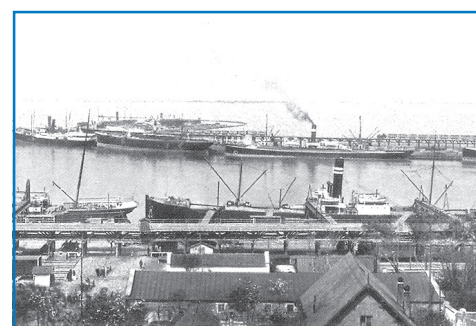
Ланжерон

Потом начинают вырисовываться детали порта. Это брекватор, а это волнорез (никто из горожан не знал разницы, а я знал); Карантин и за ним кусочек эстакады — мы на Карантин и плывем; а те молы, что справа, поменьше, те для своих отечественных пароходиков, и еще больше для парусных дубков, и просто шаланд и баркасов: Платоновский мол, Андросовский, еще какой-то. В детстве моем еще лесом, бывало, торчали трубы и мачты во всех гаванях, когда Одесса была царицей; потом стало жижее, много жижее, но я хочу так, как было в детстве: лес, и повсюду уже перекликаются матросы, лодочники, грузчики, и если бы можно было услышать, услышал бы лучшую песню человечества: сто языков.

Помню ли еще здания, которые видны высоко на горе, подъезжая с моря? Дума была белая, одноэтажная, простого греческого рисунка; на днях я видел в американском Ричмонде небогатый уездный тамошний Капитолий, немного похожий на нашу Думу, и час после того ходил сам не свой. Направо стройная линия дворцов вдоль бульвара — не помню, видать ли их с моря за кленами бульвара; но последний справа наверное видать, Воронцовский дворец с полукруглым портиком над сплошной зеленью обрыва. И лестница, шириной в широкую улицу, двести низеньких барских ступеней; второй такой нет, кажется, на свете, а если скажут, где есть, не поеду смотреть. И над лестницей каменный Дюк — протянул руку и тычет в приезжего пальцем: меня звали дю-Плесси де Ришелье — помни, со всех концов Европы сколько сошлось народов, чтобы выстроить один город.

У людей, говорят, самое это имя Одесса — вроде как потешный анекдот. Я за это, собственно говоря, не в обиде: конечно, очень уж открывать им свою тоску не стоит, но за смешливое отношение к моей родине я не в обиде. Может быть, вправду смешной был город; может быть, оттого смешной, что сам так охотно смеялся. Десять племен рядом, и все какие, на подбор, живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться и над собою, и надо всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любимо. Постепенно стерли друг о дружку свои обычаи, отучились принимать чересчур всерьез свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну мира сего: что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед тоже не вор и не бродяга; может быть, он прав, а может быть, и нет, убиваться не стоит...

Потешный был город; но и смех — тоже ласка. Впрочем, вероятно, той Одессы уж давно нет и в помине, и нечего жалеть, что я туда не попаду; и вообще повесть кончена.

Порт

130 лет со дня рождения Владимира Жаботинского

Такой город...

Историю нельзя исправлять, переписывать, выворачивать наизнанку, ставить с ног на голову и еще черт знает что с ней проделывать в угоду кому и чему-либо. Но историческую справедливость восстанавливать нужно, и чем раньше, тем лучше, а если уж не получилось раньше, так хотя бы позже. В 2000 году к 120-летию со дня рождения Владимира Жаботинского в Одессе двумя изданиями впервые напечатали его роман «Пятеро». По причине горестных обстоятельств эта книга, поэтичная, страстная, лиричная, мудрая, романтическая, веселая и грустная, как сама Одесса, десятки лет была неизвестной землякам автора. И это тем более обидно, что в литературной летописи нашего города не так уж много произведений, написанных с таким глубинным пониманием его и такой безудержной к нему любовью.

В. Жаботинский.
1896 г.

Иной раз и вовсе приходит на ум шальная мысль о том, что автор и затеял-то этот «рассказ из быта прежней Одессы» ради того, чтобы наконец или напоследок объясниться в любви «веселой столице Черноморья», где спускалась к порту лестница «шириной с широкую улицу», отводили душу в Городском театре с «красным бархатом кресел и барьеров», а после спектакля — в пивном заведении Брунса в глубине просторного двора дома Вагнера с воротами на Екатерининскую, Ланжероновскую и Дерибасовскую, где, подтверждая репутацию европейского города, испокон веку сидели за столиками менялы на углу Ришельевской и Дерибасовской, бытовала «южная привычка считать улицу домом», распевали озорные песенки, ели, вернее, кушали восхитительного вкуса житный хлеб с брынзой, сирень называли бузком, арбуз — кавуном, а креветки — рачками... Жаботинский вслушивался в воспоминания, как в далекую музыку, и, не нарушая законов жанра, облакал их в форму миниатюрных новелл о студентах — благодарных и восторженных завсегдатаях галерки, анархистах, превратившихся в самых заурядных налетчиков, цвете воды Черного моря и его обрывистых глинистых берегов, названии Хаджибейского лимана, изумрудных ящерицах, шуршавших в теплой траве, летнем колорите 10-й станции Большого Фонтана, заветном уголке на Ланжероне, деревянных уключинах тяжелых одесских плоскодонок, особняке Литературно-Артистического общества, в котором теперь расположен Литературный музей, тихой прелести Пушкинской, сверкающих золотом вывесках Ришельевской, греческих кофейнях Красного переулка... Все это занимает не более десятой части текста, но сделано так изящно и мастерски, что роман «наполнен» Одессой, как теплым майским вечером когда-то по самые крыши была наполнена ароматом акации тихая Базарная улица, на которой родился автор.

Белую акацию когда-то «пригласили» к нам из самой Италии, и она прижилась

на благодатной одесской земле. Так и люди разных стран и кровей пришли сюда, не в пример неудачливым строителям Вавилонской башни придумали себе, как написал Жаботинский, «наречие Фонтанов, Ланжерона, Пересыпи и Дюковского сада» и возвели город, в котором зеленая лента Французского бульвара пролегла вдоль морского обрыва, Еврейская и Греческая улицы пересекают Польскую и Итальянскую, позже наименованную Пушкинской, а Малая и Большая Арнаутские вольготно тянутся к Молдаванке, где Запорожская «впадает» в Болгарскую. В этом и была, пожалуй, сама сущность Одессы, первейшая ее достопримечательность, которую Жаботинский высветил мудро и весело: «И над лестницей... Дюк протянул руку и тычет в приезжего пальцем: меня звали дю-Плесси де Ришелье — помни, со всех

концов Европы сколько сошлось народов, чтобы построить один город... Десять племен рядом, и все какие, на подбор, живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться и над собою, и над всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любимо. Постепенно стерли друг о дружку свои обычаи, отучились принимать чересчур всерьез свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну мира сего: что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед тоже не вор и не бродяга; может быть, он прав, а может быть, и нет, убиваться не стоит». Спектакль можно хорошо сыграть и в однотонных сукнах. Но автору нужны были красочные декорации многоликой разноголосой Одессы, в которой только и могли сложиться судьбы главных героев и действовать многочисленные персонажи романа, чьи прототипы однозначно не проследить, за исключением, разве что, писателя Лазаря Кармена и его старшего брата по профессии Александра Федорова, которому Жаботинский был обязан началом журналистской карьеры.

Роман написан от первого лица, и это позволило автору не вкладывать свои слова в уста персонажей, а напрямую обратиться к читателю. Иван Бунин утверждал, что «всякое произведение у любого писателя автобиографично в той или иной мере». Если, помимо многих черт, деталей и фактов принять в качестве такой меры не угасшую за годы разлуки любовь к своему городу, то роман «Пятеро» можно считать автобиографичным. Жаботинский был увлеченным, бескомпромиссным человеком идеи, цели и дела, во имя чего находил в себе силы и мужество порывать со многим, за исключением одной лишь Одессы: «Глупая вещь жизнь... только чудесная: предложи мне повторить — повторю, как было, точь-в-точь, со всеми

горестями и гадостями, если можно будет опять начать с Одессы». Такое не для красного словца было написано и не единожды повторено, хотя роман не сочинен единственно ради того, чтобы преподать урок одесского патриотизма. И тому, у кого в груди не обкатанный морскими волнами голыш с ланжероновского пляжа, трудно читать эти признания без предательского комка в горле: «...В Рим когда-то был влюблен, и долго, но и это прошло. Одесса — другое дело, не прошло и не пройдет», «...На днях я видел в американском Ричмонде небогатый уездный тамошний Капитолий, немного похожий на нашу Думу, и час после того ходил сам не свой», «Посидеть бы теперь на массивах полчаса; я бы и крабов не стал беспокоить: только посидеть, свесив босые ноги, прикоснуться, как Антей, к земле своего детства», «...Подъезжая к Раздельной, я уже начинал ликующе волноваться. Если бы сегодня подъезжал, вероятно, и руки бы дрожали».

Жаботинский отстучал эти щемящие сердце слова на старенькой пишущей машинке в начале 1930-х годов, когда точно знал, что никогда к Одессе не подъедет, ни по железной дороге через Раздельную, ни морем мимо Фонтанов, Аркадии и Ланжерона, разве что в глубине истосковавшейся души надеялся когда-нибудь возвратиться книгой. Потому так свободно и раскованно написан роман «Пятеро», по его собственным словам, не для приезжих, как называл обиженных судьбой, коим не выпало счастье родиться тут, а для земляков, которым не нужно объяснять, что есть Раздельная, где находится кафе Фанкони, какой вкус имеют бублики семитати, чем отличается шарлатан от шалопая, а шалопай от шармовоза, почему ласковое имя Сережа произносят исключительно как Сержожа...

Это неведомо, правда, многим теперешним землякам автора, что, впрочем, легко поправимо усердными комментаторами. Но никакие комментарии не потребны, чтобы лишний раз подумать о том, как в пересчете на простую человеческую удачу несказанно повезло тому, кто в любую желанную минуту может «пройти себе» по улицам, переулкам, мостам, спускам и лестницам города своих предков и юности, большой литературы, великолепной музыки, прекрасных женщин, спасительного жизнелюбия, неиссякаемого юмора, Черного моря и белой акации... И, в зависимости от того, куда повернул он свою судьбу, взгрустнет читатель-земляк или возрадуется, но нигде, никогда и никуда уже от этого не денется и ни на кого не переложит, потому как «одесский ген» если и можно выделить, то пересадить никак не получится. Такой город...

Ростислав Александров

Одесское издание романа «Пятеро». 2000 г.

Î äãññêèà

îîâîñòè

Управление архитектуры и градостроительства Одесского горсовета предложило к рассмотрению предпроектные предложения по созданию сквера в мкр.Ш-4-2 пос. Котовского (в квартале, ограниченном улицами: Академика Заболотного, Академика Сахарова, В. Высоцкого и Днепропетровской дорогой)

14 сентября состоялось общественное обсуждение градостроительного обоснования размещения торгово-выставочного центра по адресу: г. Одесса, Днепропетровская дорога, 125

«Одесский порт по собственной инициативе сделал весомый вклад в развитие туризма в Одессе и в Украине, со своей стороны подготовил почву для обслуживания туристов на уровне, не уступающем мировому. Одесса имеет все возможности, чтобы стать базовым круизным портом на Черном море и занять достойное место в международном круизном бизнесе и туризме», — отметил начальник государственного предприятия «Одесский морской торговый порт» Николай Павлюк

24 сентября коммунальное предприятие «Одесгорэлектротранс» отметило 100-летие открытия первой линии электрического трамвая. Этот юбилей совпал еще с двумя памятными датами — 130-летием пуска конки и 65-летием пуска первого троллейбуса. Одесская дирекция украинского государственного предприятия почтовой связи «Укрпочта» выпустила конверт к 100-летию пуска трамвая в Одессе. Спецгашение конверта проводилось только один день — 24 сентября. Эти конверты уже стали раритетом для филателистов и исторических музеев.

В результате ранжирования более 300 000 предприятий Украины, проведенного на основании официальных данных Государственного комитета статистики Украины, Одесское коммунальное предприятие «Право» признано лидером отрасли в 2010 году.

16-20 сентября состоялся 3-й Всеукраинский фестиваль русской поэзии и культуры «Пушкинская Осень в Одессе-2010»

24-26 сентября в Одессе состоялся X Международный фестиваль «Джаз-карнавал в Одессе-2010».

Подведены итоги выборов на должность ректора Одесского Национального Университета. Им стал доктор политических наук Игорь Николаевич Коваль.

За активную общественную и благотворительную деятельность и по случаю 216-й годовщины основания города Одессы Почетным знаком отличия Одесского городского головы «Знак почета» награждены Мореховская Людмила Семеновна — президент благотворительного фонда «Милосердие Виктор», Станкевич Виталий Борисович — президент благотворительного фонда «Ветеран»

“КАТОРГА МОЯ — ЛАНЖЕРОН...” Аркадий Хасин

Из книги “Порт назначения — ад”

В мае 2010 года я приехал в Гамбург в гости к старому другу. Когда-то мы вместе плавали на сухогрузном теплоходе “Большевик Суханов” и в 1967 году, во время Шестидневной войны между Израилем и Египтом, были заблокированы в Суэцком канале.

Над мачтами застрявших в канале судов пронеслись израильские самолеты, где-то неподалеку гремели взрывы, и казалось, нам никогда уже не вырваться из желтого оскала охваченной войной Синайской пустыни, среди которой прорыт Суэцкий канал.

Нам было что вспомнить. И рейсы в сражающийся с американцами Вьетнам, которому Советский Союз помогал оружием и продовольствием. И в раздираемую гражданской войной Анголу, куда мы тоже привозили продовольствие и где перед нашим приходом были подорваны диверсантами два черноморских судна “Капитан Чирков” и “Березовка”, и только благодаря мужеству их экипажей эти суда смогли остаться на плаву и своим ходом вернуться в Одессу. И буксировку из Одессы на Камчатку плавучего дока, когда в Индийском океане в шторм лопнул буксирный трос и мы, спустив мотобот, преодолевая ярость океанских волн, заводили на док новый стальной буксир...

Но мой рассказ о другом.

Когда я гостил у друга, познакомился с его соседом-немцем, который родился в России, в Поволжье, а в годы сталинских репрессий, как и многие жившие в СССР его соплеменники, был сослан на Колыму. После войны туда привозили освобожденных из нацистских концлагерей советских военнопленных, объявленных Сталиным предателями. И этот немец, Гельмут Шлинк, жил на Колыме в одном бараке с бывшим военнопленным, одесситом Борисом Никольским.

В бараке они были соседями по нарам. И этот одессит, после каторжного рабочего дня на сорокаградусном морозе, в тайге, где бывшие советские военнопленные вместе с уголовниками и сосланными на Колыму пособниками фашистских оккупантов — украинскими полицаями — валили лес, возвращаясь в барак, отогретьшись у железной печки и поужинав лагерной баландой, укладывался рядом со Шлинком на нары и начинал рассказывать о своем родном городе с такими подробностями, что никогда не бывавший в Одессе немец знал ее не хуже любого одессита!

А на работе, в тайге, когда Борис видел обессиленного товарища, который не мог держать уже пилу и которого “за саботаж” мог пристрелить охранявший зеков вертухай, он, подбадривая товарища шуткой, помогал ему свалить неподатливое дерево, хотя сам к концу дня еле держался на ногах...

Как рассказывал Шлинк, до войны Никольский плавал мотористом на пассажирском теплоходе “Аджария”, который с началом войны превратили в плавучий госпиталь. В сентябре 1941 года, когда под Севастополем шли ожесточенные бои, “Аджария”, ошвартованная там в Камышовой бухте, принимала раненых и была атакована фашистскими самолетами. От прямого попадания бомбы судно затонуло у причала. Борису Никольскому вместе с несколькими моряками удалось спастись, и он воевал в морской пехоте. 3 июля 1942 года Севастополь пал и многие его защитники, не успев уйти на кораблях, попали в плен.

Попал в плен и Никольский. Был в нескольких лагерях. Сначала под Севастополем, где в огороженной колючей проволокой огромной

яме пленным, как собакам, бросали еду: сырую свеклу и гнилую картошку. Потом он оказался в пересыльном лагере в Румынии, после него — в Германии. Здесь немцы строили секретный подземный завод, и военнопленные, работая в штольнях, вырубали кирками скалистую породу и вывозили ее вагонетками на поверхность. Иногда в вагонетки вместе с породой грузили умерших. Люди умирали от голода и побоев надзирателей.

В лагерь приезжал генерал Власов, вербовал людей в свою армию, воевавшую в рядах фашистских войск, сулил всякие блага. Спасаясь от невыносимой лагерной жизни, многие пошли к нему. Борис устоял...

В апреле 1945 года лагерь освободили англичане. А в декабре большой английский пароход привез освобожденных из нацистских концлагерей советских военнопленных в Одессу. И в тот же день войска НКВД загнали их в товарные вагоны и отправили на Колыму... Слушая Гельмута Шлинка, я вспомнил декабрьский день 1945 года. Я жил с матерью и сестрой недалеко от порта, на Дерибасовской, 3. Утром во дворе я встретил возвращавшегося с ночной смены соседа. Увидев меня, он сказал: “Беги

в порт. Там англичане наших солдат привезли”. Я прибежал к воротам порта, когда их выводили на Таможенную площадь. Одеты они были в новенькую английскую военную форму без погон и новенькие же скрипучие ботинки из желтой кожи.

Выводили их из порта вооруженные солдаты, отгоняя сбегавшихся посмотреть на тех, кто вернулся из плена.

Радости от возвращения на родную землю на лицах этих людей не было. Тогда хорошо были известны слова Сталина: “У немцев советских пленных нет. Есть предатели”. И встречали бывших военнопленных не истосковавшиеся от разлуки жены, дети, матери и старики-отцы, а хмурые сотрудники НКВД.

Освобожденных из нацистских концлагерей бывших советских военнопленных было так много, что они запрудили всю Таможенную площадь, которую в помощь энкаведэшникам оцепила милиция.

Считаясь пропавшими без вести, а теперь возвратившись на Родину, встреченные сотрудниками НКВД и предчувствуя недоброе, видя за спинами милиционеров утирающих слезы женщин, эти люди начали выкрикивать свои фамилии и адреса с просьбой сообщить их близким, что они живы.

Взбешенные энкаведэшники пытались заставить их замолчать. Но эти раздирающие душу голоса звучали лишь громче.

Я не уверен, что кто-то из стоявших рядом со мной женщин запомнил хоть одну фамилию и написал хоть по одному адресу письмо. В те годы не то что за такое письмо, за неосторожное слово можно было угодить в тюрьму. Но помню, как я вздрогнул, когда из толпы военнопленных раздался хриплый голос: “Одесситы, сообщите на улицу Розы Люксембург номер двадцать один Репсима Келледжян, что ее брат Ашот жив!” Я попытался протиснуться поближе, чтобы получше разглядеть этого человека, не только потому, что он назвал имя и адрес моей довоенной учительницы музыки, армянки, но

и потому, что я его знал! Он приходил к ней во время наших уроков. Она мне говорила, что зовут его Ашот и он студент консерватории. Он брал у нее какие-то ноты и всегда спешил, несмотря на ее просьбы подождать, пока она закончит со мной урок и покормит его.

Я помнил его вихрастым парнем со сросшимися на переносице бровями. Как же он выглядел сейчас?

Я мог сказать ему, что во время оккупации румынами Одессы муж Репсима, Баруль, открыл небольшой ресторан. И когда нашу семью, как и других одесских евреев, погнали на Слободку, в гетто, именно благодаря Репсима и Барулю мы не умерли там от голода. Всеми правдами и неправдами они старались передавать нам в гетто продукты, пока нас не вывезли со Слободки в Доманёвский концлагерь.

В 1944 году, накануне освобождения Одессы, Баруль и Репсима, зная нравы советских властей, боясь, что за ресторан при оккупантах их арестуют, уехали в Бухарест. Больше о них я ничего не знал... Когда мне удалось в тот декабрьский день 1945 года все же протиснуться поближе к военнопленным, чтобы разглядеть Ашота, энкаведэшники с матерной бранью стали выстраивать пленных в колонну.

Под свистки милиционеров, начавших разгонять собравшийся на Таможенной площади народ, и под команды энкаведэшников колонна двинулась по Приморской в сторону Пересыпи. Вместе с другими мальчишками я побежал за колонной, пытаюсь узнать, куда ее ведут. Но как только мы догнали тяжело шагавших в

колонне людей, один из конвоиров выхватил из кобуры наган и заорал:

— Назад! Назад, говорю!

Лишь через несколько дней на “Приводе”, куда мать послала меня купить картошку, я услышал, что бывших советских военнопленных, которых английский пароход привез в Одессу, пригнали на станцию Одесса-Сортировочная и затолкали в товарные вагоны. А отправили, известно куда, — на Колыму...

Очевидно, тогда на Таможенной площади стоял в толпе военнопленных и Борис Никольский. И можно только представить, что испытывал этот человек, попав после долгих лет разлуки в свой родной город и не имея возможности прийти домой и обнять своих близких, считающих его без вести пропавшим!

О страшной судьбе советских военнопленных, попавших в фашистскую неволю, перенесших неимоверные страдания, а после освобождения отправленных в колымские лагеря, известно из книг “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург, “Колымские рассказы” Варлама Шаламова, “Архипелаг ГУЛАГ” Александра Солженицына, “Непридуманное” Льва Разгона. И вот — случай свел меня с человеком, пережившим колымский ад, от которого я узнал о горькой судьбе одессита — Бориса Никольского. На каторжной работе в морозной тайге Борис заболел воспалением легких. Попал в больничный барак. Санитаркой там работала красивая женщина, тоже одесситка, Надя Самойлова.

Сослана она была на Колыму сразу после освобождения Одессы, за сожительство во время оккупации с румынским офицером, от которого родила ребенка. На Колыму была сослана вместе с ребенком, сыном. Было ему два года.

На Колыме дети заключенных тоже жили за колючей проволокой, в бараках, под опекой нянь-заключенных. И охраняли этих детей, как настоящих преступников.

Звали Надино сына Владик. Свидание с ним разрешали раз в месяц. Приводили Надю на свидания под конвоем. В присутствии конвоира, всхлипывая, прижимала она к себе сына и обломком гребешка расчесывала на его головке редкие волосики...

Узнав, что Надя из Одессы, Борис не отставал от нее с расспросами. Как выглядит город после бомбежек и румынской оккупации? Уцелел ли Оперный театр? Сохранились ли в Городском саду фонтан и каменные львы, охраняющие сад со стороны Дерибасовской? И как выглядит его любимый пляж Ланжерон, на котором прошло его детство? Жил он по соседству с Ланжероном в одном из переулков возле парка Шевченко.

Дел в больничном бараке санитарке хватало. Работала не разгибая спины. Но помимо уборки грязных бинтов, мойки полов и раздачи лагерной баланды, Надя нужна была всем. Одному ночью подаст водички, другому поможет встать по нужде, а с третьим просто посидит в минуту острого отчаяния и поговорит по душам.

Но больше всего в свободное время она стала засиживаться возле своего земляка. А однажды наклонилась к нему и поцеловала. Но в этот момент в барак вошла главврач, строгая энкаведэшная дама, прозванная зеками за злой нрав Гадюкой. За “аморальное” поведение Надя на следующий день была отправлена на “Остров прокаженных”, в известковый забой, где отпетые уголовники добывали известь.

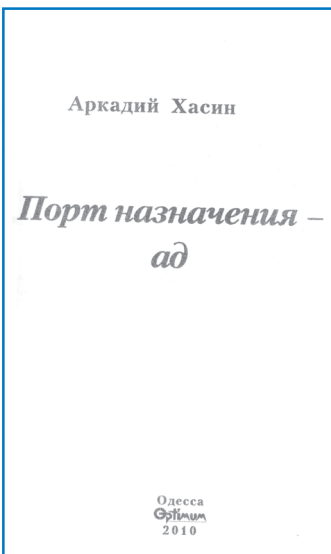
А Бориса Никольского, еще далеко не оправившегося от болезни, главврач выписала из больничного барака. И снова под конвоем его погнали на лесоповал, в звенящую от мороза тайгу...

Сроки бывшим офицерам и солдатам Красной Армии за пребывание в немецком плену давались большие. И мало кто из них после колымских лагерей возвращался домой.

Не вернулся и Борис Никольский. Он умер лежа на нарах, рядом с Гельмутом Шлинком. Умер в конце февраля 1953 года, за несколько дней до смерти своего палача — “отца народов” товарища Сталина. Умер от истощения, от тоски, как умирало в колымских лагерях множество людей. Последние его слова, как сказал мне Гельмут Шлинк, были такие: “Каторга моя не Колыма. Каторга моя — Ланжерон...”

Вернувшись в Одессу, я пошел на этот пляж. Но не днем, когда там полно народа, а вечером.

С моря дул свежий ветер, на горизонте восходила красная луна, и шумно набегающие на берег волны несли на себе ее багровый отсвет. Пляж был пустынен. Только недалеко от воды сидела, обнявшись, какая-то пара, не обращая внимания на долетавшие до них брызги волн. Постояв немного, я поднялся наверх, в шумевший под ветром парк. Там я зашел в первый попавшийся ресторанчик, заказал вина и помянул человека, так любившего Ланжерон, но которому не довелось его больше увидеть...

Вера Инбер

Место под солнцем

Повесть двадцатых годов

Начало в №46

Глава третья

У Авеля Евсеевича в лаборатории при университете царили чистота и тишина, не смущаемые никакими бурями. Сильнейшие раскаты грома отдавались здесь легким дрожанием реторт. Синие язычки спиртового пламени покорно лизали медные и никелевые сосудики. На отдельном неподвижном столе расцветала главная достопримечательность этого места: розовое, как лепесток, заячье ухо. Отрезанное от живого зайца, оно питалось физиологическим раствором. Раствор вводился в него особой иглой, проходил по ушным капиллярам, пульсировал тончайшим серебром, трепетал и дрожал, после чего вытекал через стеклянную трубочку в стаканчик. Если же вместо раствора солей попытаться ввести какую-либо ядовитую жидкость, то ушные сосуды сжимались и не пропускали ее. Заячье ухо и в отрезанном виде желало жить.

Здесь, в тишине и точности, существовал Авель Евсеевич. Его медленные руки с необычайной осторожностью двигались среди всего этого стеклянного хозяйства. Здесь были маленькие весы такой чуткости, что они отмечали легчайшую щепотку соли и, вероятно, могли определить удельный вес любой слезы.

Моя неудача со службой, мой прощальный разговор с товарищем Шуляком всей своей тяжестью обрушились на весы Авеля Евсеевича. Все затуманилось и заколебалось в его лаборатории.

И хотя я хорошо знала, что калоши и зонтик были только дополнением к основному несчастью, это не спасало положения. Винават всегда тот, кто сильно любит, и в данном случае Авель Евсеевич был несомненно преступник. Авель Евсеевич был вдвойне беззащитен: с женщиной он обращался, как с молекулой, — математически нежно.

Любя и понимая самые различные дисциплины, их солнечную незыблемость и звездную стройность, Авель Евсеевич не любил и даже боялся музыки. Теплое гудящее чрево виолончели и прохладное лебединое горло флейты были равно враждебны ему. Музыкальная фраза распадалась для него, как щетка, на ряд отдельных шумов: лучше всего была пауза. Авель Евсеевич считал музыку одним из наименее удачных опытов человечества, и все же мы познакомились на симфоническом концерте, единственном в его жизни. Во время Гайдна Авель Евсеевич развлекался тем, что разглядывал в бинокль мою ладонь. Впоследствии он не раз говорил:

— Гайдн — это множество линий, как на спектральном анализе.

Грустнее всего терять то, чего не имеешь. Будучи взята на испытание, службы по-настоящему я не имела. И службу я потеряла. Видя мою грусть, Киска делала попытки меня развлечь.

— Мам, — говорила она, — вот я нарисовала портрет тех дядей, которые приходили ночью и хотели забрать Джерри.

— Один общий портрет, Киска? Этого не бывает.

— Бывает, мам, потому что у меня мало бумаги. Вот как вышло: ну-ка посмотри.

Я посмотрела. Был нарисован неправильный круг с зубчиками по краю. В кругу сидели мохнатые точки, в середине помещался отгороженный крестик.

— Что же это, Киска?

— Это их голова, мам. Это их глазки во все стороны.

И много ушей.

— А крестик посередине, Киска?

— А это, мам, их могилка. Одна для всех.

— Ну, Киска, — отвечала я, — это у тебя очень удачно получилось. Хорошо бы послать этот портрет их родственникам в письме, но, к сожалению, мы не знаем их адреса.

— Письмо, мам?

Оказывается, Киска не знает, что такое письмо. Это явление выпало уже из нашей жизни. Я говорю:

— Письмо — это вот что. Например, ты уехала в другой город и там живешь. Я беру бумагу и пишу на ней печатными буквами: «Милая Киска, нехорошо ковырять в носу. Я очень люблю тебя. Твоя мама». Потом я беру эту бумажку, кладу ее в плоский бумажный мешочек и опускаю в ящик на углу. Мешочек вынимают оттуда, везут на поезде и

привозят к тебе, в другой город. Ты читаешь его и уж никогда, честное слово, не трогаешь носа.

— Никогда, честное слово, — повторяет Киска и спрашивает задумчиво: — А когда это было... письма?

— Давно. Уж я не помню.

Почты не было, но книги остались. Сначала я внутренне бешевала, сопротивлялась и вела с отсутствующим товарищем Шуляком принципиальные споры.

Но постепенно я утихла. Моя горячность прошла и сменилась сонливым спокойствием, нездоровой тишиной оранжереи, где в январе вырывают бледные, пухлые и лицемерные плоды. Я начала много читать, что было странно и противоестественно в дни, когда ради тепла сжигали Шекспира и когда в муку подмешивали молотый горох.

Выбор авторов был нездоровый выбор. Из всего, что было написано на земле, я читала только Диккенса и Франса. Каждый из них был умен и добр, но каждый, если следовать за ним неотступно, мог завести в бездну.

Один приходил с радостными слезами, другой — с грустной улыбкой. Один утверждал, что главное в мире — это сердце, другой утверждал — ум. Человеческая мысль, холодноватая, как хрустальная грань, улыбка над жизнью, улыбка над смертью, над женщиной, этим «пленительным сочетанием атомов», — вот что было важно.

Убогие и больные, косноязычные уроды, сироты, отданные на выучку вора, бывшие каторжники, старые невесты, безумные от любви, застенчивые клерки, скромные предметы — поющие чайники и сверчки на печи — это был мир Диккенса. Это был уют старого рваного плаща, под которым преступник, голодный пес и бродячее дитя равно находят спасение от зимней ночи.

Диккенс знал теплоту счастья. Он писал:

«Ребятишки собираются один за другим у пылающего камина. Мать подбрасывает свежих поленьев, а отец только что обменялся дружеским кивком с кучером дилижанса за добрую милю от своей фермы и теперь стоит, обернувшись назад, и смотрит вслед удаляющимся путникам».

Франс утверждал:

«Время и пространство не существуют. Материи тоже не существует. То, что мы называем этими словами, есть именно то, чего мы не знаем, то препятствие, о котором разбиваются наши чувства. Мы знаем одну лишь реальность: нашу мысль. Она творит мир. И если бы наша мысль не взвесила и не назвала Сириуса, то Сириуса не существовало бы».

И у Диккенса и у Франса была убедительность, перед которой я была беззащитна. Холод одного и тепло другого протекали сквозь меня, как физиологический раствор сквозь заячье ухо в лаборатории Авеля Евсеевича. Но мне было этого мало. Я была живым зайцем, которому нужна была живая, невыхолощенная правда жизни, а не стерильная книжная мудрость. Правда жизни, живая, реальная правда, та, что проходила перед моими глазами, не мирилась ни с Диккенсом, ни с Франсом.

А в это время дни шли, и зима все углублялась.

Новый год приближался. Было не вполне понятно, каким образом встречать его и встречать ли вообще. И главное — когда. Все было сдвинуто со своих мест, старый календарь вырван с корнем, а новый еще не врос как следует, не привился. Тринадцать промежуточных дней висели в воздухе, как выдернутые из земли корешки. Кроме того, часы были передвинуты на два часа назад. Утро наступало неестественно рано, и солнце по вечерам не заходило, когда следовало. В городе кое-кто говорил: «Приходите в десять часов по-ихнему».

Мистер Пирибингль разработал проект встречи Нового года по старому стилю. Предполагалось провести эту знаменательную ночь на одной адвокатской квартире, почти единственной в городе, где каким-то таинственным образом сохранились пять сравнительно теплых комнат, ковры, посуда и интимность, связанная с диванными подушками.

Встреча организовывалась на паевых началах. Было ясно, что ничьих индивидуальных достатков не могло

хватить на прокормление и опьянение тридцати человек: необходимо было коллективное усилие. Размеры каждого пая были точно установлены. Принимая во внимание финансовый кризис, пай допускались не только денежные, но и продуктовые.

Я к тому времени уже порядком обнищала и потому внесла лишь малую толику мерзлого картофеля; остальное довнес за меня спиртом Авель Евсеевич. Благодаря университетским связям, у него были какие-то спиртные возможности, которые он и использовал. Мистер Пирибингль сделал исключительно ценный взнос: десяток яиц. Впрочем, в самую последнюю минуту, уже на самом вечере, выяснилось, что собранных средств не хватает. Был констатирован перерасход, который пришлось покрыть.

Приглашенных было около тридцати человек, последняя горсточка бывших хозяев говорливого и горячего города. Те, у кого были кирпичные заводы, заводы красок, суконные фабрики. У кого на той стороне залива были версты и версты широкого и пустынного пляжа, где со временем полагалось быть курорту. Пока же этот далекий оранжевый берег был населен одними чайками.

Над ним спускалось соленое синее небо, и надо было думать, что столько воды, птиц и драгоценного одиночества не так давно принадлежало людям, подобным тем, что собрались в этот вечер на тахте адвокатской жены.

В соседней комнате звенели рюмки, белела скатерть. Пронесли гвоздь вечера — большого костистого гуся, родоначальника многих племен. У него торчали локти и колени, но он был пышно зажарен, как настоящая дичь, и украшен бумажными плюмажами. Вокруг него, как родственники у гроба, толпились рюмки.

Университетский спирт, добытый Авелем Евсеевичем, был отвратительной очистки, — от него так и разлило сивушным маслом. Но, разбавленный кипяченой водой и сдобренный небольшим количеством сахара, он, при желании, мог сойти за водку. Этот же спирт, настоенный на ягодах, косточках и корках, получал повышение в чине и именовался ликером.

На большом блюде в накрахмаленных салфетках пронесли и поставили на стол нечто неслыханно великолепное, почти забытое в шуме дней, нечто золотистобелое, пахучее и мягкое, — другими словами, белый хлеб, испеченный специально для этого вечера.

Без пяти минут двенадцать нас пригласили к столу. Там на бумажке каждый нашел свое имя, все соседства были строго обдуманно. Гусь был разбит на участки, телятина тоже: каждый гость имел право только на один кусок. Все было шикарно: встречали старый Новый год, «настоящий», «неподдельный». Ура!..

Мистер Пирибингль встал с бокалом в руке. Он был великолепен в этот вечер. Его пробор был проведен с европейской элегантностью, лакированные туфли сверкали, и в петлице кудрявилась белая хризантема. Мистер Пирибингль поднял бокал, и подкрашенный спирт запылал огнем, как отличное вино.

— Господа! — воскликнул мистер Пирибингль. — Старому году осталось жить пять минут. Поговорим о нем, об этом без пяти минут покойнике, который думает, что смерть спасет его от нареканий. Нет, мы не последуем примеру древних, мы скажем о мертвом все дурное, которое он заслуживает.

Мистер Пирибингль говорил дальше. По его словам, умирающий год отнял у нас, здесь собравшихся, красоту и изящество жизни, все ее прекраснейшие качества, оставив нам только некоторое количество сумрачных дней. Он отнял у нас свет и уют. Литературу и письменность. Орфографию.

— Однажды, — продолжал оратор, ускоряя темп своих слов и глядя на часы, — довелось мне встретиться с офицером одного из старинных шотландских полков. У него на спине, на мундире, была нашита черная атласная ленточка, назначение которой мне было неясно.

На мой вопрос офицер ответил: «В то время, когда наши стрелки носили пудренные косы, эта лента предохраняла воротники от пудры. Теперь мы не носим кос, но мы сохранили ленту. Мы сохранили ее на память о первых стрелках, которые одержали первую победу с косами на затылке».

Продолжение следует

З а п и с к и ж и л ь ц а

Семён Липкин

Начало в 44

Миша Лоренц, трудно сходящийся с товарищами, — он был постоянным предметом насмешек трех младших Бельных, отчаянных сорванцов, — сразу подружился с ее сыном Володей. Он чуть-чуть заикался, этот стройный, тихий, хорошо воспитанный мальчик. Длинные, как у девочки, волосы придавали ему сходство с итальянским бродячим музыкантом. Его большие темные глаза с мохнатыми ресницами были похожи на пчел. “Прямо Иисус Христос”, — говорила Зинаида Моисеевна, намекая, между прочим, на то, что и православный Бог и Володя Варути были незаконнорожденными. Учился Володя из рук вон плохо, к тому же, под влиянием улицы, начал в последнее время материться, но зато он превосходно рисовал акварелью и маслом. Мадам Варути тайно от сына показывала соседкам его пейзажи: лодку у рыбацкой мазанки, сети в море, закат, пронзенный башнями Немецкого клуба.

В восемнадцатом году, при немцах, появился у нас солдат-австриец Николаус. Дворник Матвей Ненашев долго чесал затылок, раздумывая, кого бы из жильцов наградить таким постояльцем, но к солдату подошел Ионкис с сантиметром на шее и, узнав, что Николаус тоже портной, взял его на постой к себе. Ионкис его хвалил: “Толстый австриец умеет сделать штуку работы”.

Солдат охотно подрабатывал. Вещи свои он держал в казарме (койки для него там не нашлось) — кроме большой кружки из обожженной глины, на разноцветных плиточках которой были написаны имена Лейбница, Гегеля, Канта, Лессинга и прочих мыслителей. Это была, как объяснил Николаус, студенческая пивная кружка, и наши мальчишки бегали с ней по несколько раз в день в бакалейную лавку за пивом для Николауса. Дети его любили, у него самого было детское лицо с ясными круглыми глазами.

Он шил, сидя на широком желтом подоконнике, поджав жирные ноги, и, когда Ионкис выходил из мастерской, весело подмигивал детям, игравшим у его раскрытого окна в классы или тепку. Все смеялись, а громче всех — Николаус, очень довольный собой и теплым солнечным миром приморской осени. Как все портные, он любил петь, и чаще всего — революционные стихи Гервега:

Und du ackerst, und du sast,
Und du nietest, ind du nahst,
Und du hammerst, und du spinnst,
Sag, mein Volk, was du verdienst*.

Женщины ставили его в пример своим мужьям, он был приятно вежлив, встречаясь с хозяйкой, идущей с поганым ведром к мусорному ящику, он быстро снимал свою солдатскую шапочку, в которой были заколоты две-три иголки.

После работы он вел бесконечные споры со слесарем Цыбульским. Оба они были убежденными социал-демократами, обоим мучило то, что Плеханов и Каутский, с противоположных позиций, одобрили войну, оба высоко ценили и Плеханова и

* Ты пашешь, ты и сеешь,
Ты клепаешь, ты и шьешь,
Ты куешь, ты и прядешь.
Скажи, мой народ, что ты
зарабатываешь.
(Подстрочный перевод.)

Каутского, но спорили, потому что было о чем спорить.

— Видишь ли, Николаус, — говорил Цыбульский на дурном немецком языке рабочего-эмигранта, — мы с тобой с юных лет затвердили: “Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей”. Хорошие слова, лучше не скажешь, а на деле что получилось? Возьми вот меня. От царской России имел я только цепи, да казачьи плети, да тюрьму. Ты знаешь, я работаю на товарной станции. И когда я вижу, как твои немцы отправляют в Германию вагоны с нашей мукой, с нашим салом, как они хозяйничают на нашей русской земле, на нашей русской железной дороге, у меня сердце обливается кровью, и я вижу, что, кроме цепей, у меня было сокровище, Россия, и я потерял его. Муторно у меня на душе от всех этих центральных рад, грузинской автономии — ни к чему все это. В такие минуты я помню только то, что я — русский и больше всего на свете люблю Россию. И получается, что у меня и у черносотенца Севостьянова одни чувства. Я знаю, ты мне ответишь: “Это плохо”. А кто говорит, что это хорошо? Но это так, и с этим надо считаться, если ты не демагог. Да, Николаус, мы неплохо подготовились к борьбе с капиталом, но растерялись, когда пришла пора бороться с национализмом. Растерялись не потому, что мы дурные люди, а потому, что мы — люди. Национальное пока еще сильнее, гораздо сильнее интернационального. Кричи не кричи, а это так. Даже социал-демократы, всемирное братство революционеров, поддались национальному чувству. Что же сказать об остальных? Ты думаешь, что национализм — это только немецкий кайзер или наш Пуришкевич? Пошевелим мозгами, тогда пойдем, что даже в санкюлотах, в движении Гарибальди уже был национализм. Земля с ее племенами, народностями, нациями существует уже тысячелетия, а сколько лет нашему Интернационалу? Пустяки! Когда-то одно маленькое пастушеское племя где-то между Тигром и Евфратом пришло к мысли о существовании единого незримого Бога. Эта мысль потом овладела умами и сердцами чуть ли не половины человечества, но с каким трудом овладела, сколько преград было на ее пути! Даже в самом этом маленьком пастушеском племени то и дело возникали языческие капища, идолы. Да, да, Николаус, человеку нужны идолы, хотя он и дошел уже до понимания незримого Бога, единого для всех людей. Понятие всечеловеческого братства так же трудно для человека, как понятие единого незримого Бога. Человеку подавай нечто существенное, идола, и теперь этот идол — национализм. Вот апостол сказал: “Все равны перед Богом, нет ни эллина, ни иудея”. Великие слова первого интернационалиста. Хорошо, кажется? Мирская религия, не так ли? Так на тебе, она раскололась на католиков, арианцев, православных, лютеран, старообрядцев, идет резня, варфоломеевские ночи, убивают, насилуют, грабят. Сколько веков понадобилось для утверждения религиозной терпимости, и ты думаешь, что она уже всюду победила? Шутись! Мы должны избавить себя от национальной нетерпимости, избавить от нее всех людей на земле, а это трудно, очень трудно, для этого нужно, чтобы на всей земле окончательно, навеки восторжествовала демократия. А знаешь, Николаус, когда это будет?

— Когда мы уничтожим капитализм, — сердито сказал Николаус.

Болью обожгли глаза Цыбульского под косматыми бровями.

— Нет, Николаус, мы ошиблись. Мы ошиблись. Дело не в капитализме. Я не обвиняю наших лидеров, я такой же, как и они, только глупый и необразованный. Мне жаль их, жаль себя, это наше горе и наша судьба. Нам, людям, нужны идолы, мы хотим поклоняться им, и это поняли выделыватели идолов. Смотрю я издали на Ленина, я видел его как-то раз близко, как тебя, в Париже было дело. Он самый искусный из выделывателей идолов, но и он еще не знает, что его идол окажется иным, чем был задуман. Поверишь ли, я всегда смеялся над украинскими спилковцами, над Бундом, да и у наших товарищей, у пепезовцев, не все мне казалось ладным, а теперь чуточку поумнел, вижу, что дело это глубоко сидит в людях.

Николаус качал круглой головой, сопел, раздражался:

— Товарищ Яков, люди несовершенны, но мы должны их исправить, на то мы и социалисты. А то, что ты говоришь, извини за грубость, мне слушать противно.

— Противно? Что бы ты запел, если бы я жил на постое у тебя, в прекрасном городе Вене, и русские офицеры отправляли бы в Питер ваши машины, обувь и прочее? Эх, Николаус, Николаус, у меня душа горит, а ты мне прописи читаешь. Как исправить людей? Декретами? От этих декретов еще подымется в мире такое шовинистическое зловоение, что все задохнется, и я и ты. Только демократия может сделать всех людей братьями, и для этого надобны сотни лет ее царства. А ты думаешь, что стоит свалить Николку или кайзера — и сразу, тяп-ляп, рухнут национальные перегородки, церкви и кирхи, мечети и синагоги. Иди, иди, Николаус, надо тебе отметить в казарме, не то фельдфебель нервничать будет.

И Николаус, качая наголо остриженной круглой головой, шел в свою казарму, а наутро, расстегнув крючки серой куртки, надув щеки, уморительно сморщив пыльно-бурые брови, брызгал водой на дамский жакет со стороны бортовки, а потом шипел так, как паровой утюг в его мясистой веснушчатой руке.

Таким он запомнился жителям. И когда, почти через четверть столетия, немцы снова приближались к заставам города и сердце сжималось от ужаса, все-таки думалось: не может быть. Обойдется. Жили же мы при немцах в восемнадцатом, и не так уж плохо жили. Люди работали, торговали, учились, устраивали вечеринки, политиканствовали в трактирах и кофейнях, посещали театры. Конечно, мало было радости оттого, что в тех же кофейнях и театрах важно, как хозяйева, сидели кайзеровские солдаты и офицеры, но они никого не трогали. Все настойчивее становились слухи об их бесчинствах в селах, однако крестьяне по-прежнему приезжали в город с мукой, маслом и живностью, всего было вдоволь. Симпатии немцы к себе не вызывали, они и не могли ее вызвать в городе, где военная дисциплина, вообще армия, авторитеты ни во что не ставились, а благоговейное отношение к кайзеру считалось идиотизмом, но и враждебного чувства к ним не было. Петлюровцы, например, были более ненавистны.

Если уж говорить о наших симпатиях, то ими пользовались французы. Они сменили немцев на Пасху, в апреле, и Николаус

исчез навсегда из нашего дома. Случилось так, что совпали три Пасхи — православная, католическая и еврейская. А может быть, и не совпали, а следовали одна за другой, и казалось, что весь многонациональный город справляет семейный праздник, общий праздник, только дома разные, гости разные, закуски и обряды разные.

Миша Лоренц хорошо помнит, как они с Володей были в церкви, как Антон Васильевич добродушно погрозил им пальцем, сиял вечер, и сияла церковь небесной, звездной славой, все было торжественно, пышно и радостно, а в католическом храме святого Петра, с паперти которого были видны порт и маяк, вратарь эдема на выцветшей росписи улыбался прихожанам, священник, совсем молодой, тоненький, похожий на алхимика в своей черной сутане, читал проповедь с балкончика, и их удивило, что балкончик помещался сбоку, что золотая дарохранительница утонула в простых полевых цветах нашего киммерийского юга, а еще больше поразили их курчавые коричневые африканцы, солдаты Франции, пришедшие помолиться вместе с местными поляками, французами и итальянцами. Они странно крестились, прикладывая ко лбу и груди всю пятерню. Выходя из храма, они посылали воздушные поцелуи хорошему прихожанкам, дочерям кондитеров и модисток.

Потом мальчишки пошли на Пушкинскую, в главную синагогу, с трудом пробрались в здание сквозь нарядную толпу, оживленными кучками разливавшуюся по широкому двору, но оказалось, что в синагоге пусто, сидят одни старики, склонившись над откидными столиками и раскрытыми молитвенниками, а наверху, отдельно, — старухи. Самое интересное было во дворе. Здесь острились, политические противники спорили, крича и жестикулируя, разглагольствовали витии — часовщики, сапожники, портные, вышивальщики, обойщики. Молодежь теснилась около плотного, приземистого человека средних лет, в цилиндре, слегка косоглазого, с толстой, как краковская колбаса, складкой на шее и светлыми, золотистыми, легкими усами. Мальчишки узнали, что это — Бялик, знаменитый еврейский поэт, и их рассмешило, что бывают поэты, похожие на мясников, и то, что вообще у евреев могут быть свои поэты...

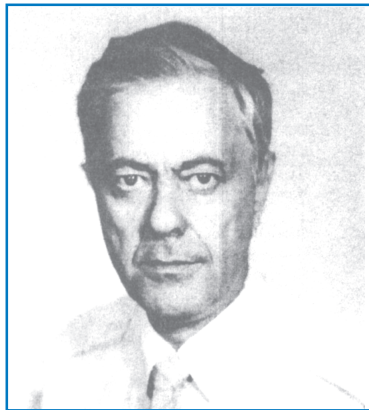
Дикий виноград уже нависал живым зелено-рыжим шатром над колодцем, как будто перенесенным сюда из Аравийской пустыни, трава росла между широкими серыми плитами, хмелем дышал ветерок с невидимого, но такого близкого моря и струился между прутьями ржавой ограды, отделявшей двор синагоги от шумной улицы.

Да, это были хмельные дни, все было хмельным: и вино на праздничном столе, и хрупкий, уже не духовный, а обмирщенный звон колоколов, и первый, еще не пронзительный, но уже всепокоряющий запах акаций, без приторного соблазна, молодой и невинный, и небо такой синевы, что хотелось и смеяться, и плакать, и сладко молиться чему-то неведомому, но так властно зовущему, и стремительное обновление могучих старцев — каштанов, и весеннее солнце, по-летнему горячее под тентами меховых магазинов, и музыка “Марсельезы”.

Продолжение следует

Страна Поэзия

Валерий ГЕРШАНИК

Родился в Одессе в 1936 году. Окончил Курское военное училище. По профессии — инженер. В течение тридцати лет работал на заводе “Кинап”, был ведущим инженером, начальником отдела комплектации. Автор двух поэтических сборников “Милая”, “Приснись мне, милая” и “Время не властно над памятью сердца”. Член Литературной студии “Откровение”

Каждый сед своей бедою
И своей болеет болью.
К каждому придет разлука
В свой урочный день и час.

И тогда само собою
Обозначится предполье,
Где окопы роет мука,
Чтобы взять осадой нас.

Каждый верен своей вере,
В ней свою черпая силу,
И за ней скрывает слабость,
Как за каменной стеной.
Пусть откроет ему двери,
Прошептавши тихо: «Милый»,
Непрерывной встречи радость.
Светлым нимбом над тобой

Разольется свет надежды,
Коль разлуку ты оспорил
И любви остался верен,
Несмотря на седину...
Мне б тебя коснуться нежным
Сердцем, как в молитве Торы.
Через беды путь мне велен
В твои сны. И я приду.

Играет скрипка в темноте,
Поет и плачет,
Что при всеобщей немоте
Так много значит.

Иду на звук, как на маяк
Шли мореходы,
Когда загонят шторм и мрак
В чужие воды.

Она зовет куда-то вдаль,
Вслед за собою,
И ночь приподняла вуаль,
Блеснув звездой.

Смычок ласкает струны ей,
И ласка эта
Переливается в людей,
Что ждут рассвета.

Какое счастье, что в ночи,
Злой, вурдалачьей,
Не снят не только палачи,
И скрипка плачет.

Нам светлячками звонких нот
Мостит дорогу,
И та тропинка приведет,
Наверно, к Богу.

Влюбленный - бард и богатырь,
Когда сердца дуэтом пели,
Шли за любимыми в Сибирь,
Шли за любимых на дуэли.

Пускай звучат из всех окон
Влюбленным марши Мендельсона!
Любовь - сама себе закон,
И справедливой нет закона!

Ушла любимая. Как прежде,
Дома на месте, речка, мост.
И даже место для надежды
В душе израненной нашлось.

Не спрыгнул шар земной с орбиты,
И день померк лишь для меня...
В погоню! К черту все обиды!
«Коня! Полцарства за коня!»

Сбежал подлец, расплату чужа,
Строчил доносы ночь и день,
И, совестью своей торгуя,
Тень наводил он на плетень.

Немало предал он и продал,
Мечты чужие хороня.
Догнать! Чтоб кровью долг свой отдал!
«Коня! Полцарства за коня!»

Мечты из молодости в Лету
По радуге ушли пешком.
Кто может их судить за это?
Ушли... А как же жить потом?

Иллюзий тоже не осталось.
В костре лишь пепел. Нет огня.
Давайте плюнем на усталость!
«Коня! Полцарства за коня!»

Промчались мимо жизни годы.
Ни царства, ни полцарства нет.,
Погони, скачки и походы —
За все, про все держи ответ.

Но как бы жизнь нас ни ломала,
А все же даль зовет меня.
И хорошо, что все нам мало!
«Коня! Полцарства за коня!»

Детский уголок Гарри Перельдик

ЗАГАДКИ

Их наберется за полсотни,
И жизнь нетрудно им отдать,
Чтоб на плите у вас сегодня
Огонь смог весело плясать.

Стройны подружки, даже слишком.
Но кто из них брюнеткой стал,
Не возвращается в домишко,
Где с остальными ночевал.

Скрипки

Начинка их — родня алмазу,
Хоть цвет ее совсем не тот.
Ребенок их применит сразу,
Но прежде малость погрызет.

Поэт писать стихи заставит,
Студент оставит в книге след,
Ученый формулу составит,
А живописец — твой портрет.

Карандаш

Весьма удобная вещь.
Она в хозяйстве пригодится.
И коль рука не заболит,
Ботинок снова заблестит.

Шетка

Музыкант Табачник Ян
Предпочел ведь не баян,
Композитор Ференц Лист
Вовсе не саксофонист,
А великий Паганини
Не брэнчал на мандолине.
Вам ответить не пора ли,
Так на чем они играли?

Акордеон, скрипка

Его птицам иметь не дано,
С чем кондитер поспорит в душе.
Для плохого стрелка лишь оно
Результат попадания в мишень.

Монокл

Его в кармане на шнурке
Держать удобно, а в руке
Для нас он словно собеседник,
Но выступает как посредник.

Мобильный телефон

Кроссворд

1		2		3		4		5		6
							7			
8										
								9		
10				11						
			12							
13						14		15		
					16					
		17						18		19
20							21			
				22						
23										
				24						

По горизонтали: 1. Парус над Марселем. 7. Придворный кинолог. 8. Косточка среднего уха. 9. ... до ушей. 10. Китайская крапива. 11. Хищное млекопитающее семейства псовых. 13. Порода служебных, сторожевых и декоративных собак. 14. Франко-фламандский композитор, служивший при дворе французского короля Людовика XI. 17. Российский адмирал, один из лидеров белого движения во время гражданской войны в России. 18. Американский карьерист. 20. Пища. 22. Ускоритель протонов. 23. Религиозный центр ислама. 24. Древнегреческий город-государство в Крыму.

По вертикали: 1. Сахарный песок низкого качества. 2. В международном праве: согласие одного государства принять лицо, предложенное другим государством в качестве дипломатического представителя. 3. Котомка ничего. 4. Античный стрелок. 5. Мужской монастырь. 6. Государство в Азии. 7. Рассказ Михаила Зощенко. 12. Рыболовная снасть. 13. Город на Сицилии. 15. Элементарная частица. 16. Мясное кушанье. 17. Защитный головной убор. 19. Старение машины, организма. 21. Прохладительный напиток из разбавленного водой сока ягод.

Ответы на кроссворд в газете «Доброе дело» № 47

По горизонтали: 1. "Таврия". 6. Скорбь. 10. Драже. 12. Табаско. 13. Серпент. 14. Занос. 15. Кизел. 16. Балык. 17. Амба. 20. Пядь. 22. Обнова. 25. Иезуит. 28. "Торнадо". 29. Янычар. 30. Роберт. 31. Инфанта. 32. Матрац. 35. Макака. 39. Батя. 41. Крап. 43. Ручка. 45. Олень. 46. Чурек. 47. Синодик. 48. Тренога. 49. Орало. 50. Леонов. 51. Резеда.

По вертикали: 2. Албазин. 3. "Рослав". 4. Ядозуб. 5. Казнь. 6. Сессия. 7. Отребье. 8. Бреслау. 9. Стекло. 11. Этикет. 18. Матрица. 19. Атрофия. 20. Плавник. 21. Диорама. 23. Бонза. 24. Овчар. 26. Зубок. 27. Игрек. 32. Морось. 33. Течение. 34. Абандон. 36. Апофеоз. 37. Анероид. 38. Альпак. 40. Тучков. 42. Ректор. 44. Орган.

Криосауна — исцеляющий холод

Лучше хоть раз самому попробовать, что же это за чудо такое — криосауна, чем читать о ней снова и снова. И тем не менее, удивительная новинка в мире красоты и здоровья вызывает такой интерес и столько вопросов, что мы с удовольствием возвращаемся к теме криосауны.

Итак... История криотерапии — лечения холодом — началась в Японии 30 с лишним лет назад. Тогда доклад ученого и врача-практика Тосимо Ямаучи стал сенсацией в медицинском мире. Опираясь цифрами, фактами и конкретными примерами, Ямаучи рассказал об успехах своей клиники по лечению пациентов, страдающих ревматоидным артритом, с помощью применения экстремально низких температур. Новый метод, впервые названный «криотерапия», получил стремительное развитие, а также армию приверженцев и продолжателей.

Идею лечения холодом подхватили и российские ученые, развив альтернативные технологии, расширив спектр их применения. И уже в 1986 году в Ленинграде были начаты работы по созданию отечественной установки для общей криотерапии, а через 12 лет первые пациенты прошли процедуры по лечению в криосауне. Результаты превзошли все самые смелые ожидания. В чем же суть чудодейственного метода? Изобретатель

российской индивидуальной криосауны А. Ю. Баранов, профессор кафедры криогенной техники Санкт-Петербургского государственного университета низкотемпературных и пищевых технологий, вывел идеальные параметры эффективности метода криотерапии. Во время процедуры человека на 2–3 мин, по плечи, помещают в кабинку, очень похожую на вертикальный солярий. Однако в отличие от соляриев, в криосауне температура минусовая — 150–160°C. После 2–3-минутного посещения криосауны результат виден налицо: блестящие глаза, персиковая, шелковистая кожа, радостная улыбка, легкость и ощущение счастья. А все потому, что организм, попав в экстремальную среду, проснулся от «спячки», разбудил иммунную систему, которая в поисках «врага» отсканировала каждый орган и, не обнаружив «интервента», на всякий случай вылечила и исправила найденные недостатки. Тренируя иммунную систему циклом из 7–10 процедур, мы добиваемся ее бесперебойной работы в течение еще очень долгого периода времени. К примеру, курс посещения криосауны перед началом осенне-зимнего периода дает возможность с улыбкой и здоровым румянцем на лице пережить вирусные эпидемии и ОРЗ до весны.

Следующий курс — и можно избавиться от таких недугов, как излишний вес, целлюлит, ревматизм, ревматоидный артрит, и других серьезных заболеваний.

По всем интересующим вас вопросам, касающимся оздоровления, предлагаем обратиться в фирму «New Space», где вас квалифицированно проконсультируют. Наш телефон: 050-171-77-71.

ВНИМАНИЕ!

В Культурном центре Хеседа работает Романтическая гостиная

“Любви все возрасты покорны”.

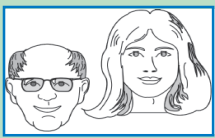
Одиночество — не лучшее состояние человека.

Все, кто хочет приятно провести время, познакомиться с

интересными людьми,

найти друга или подругу, приходите к нам по средам в 16.30.

Справки по тел.: 737-40-13 и 755-67-38.

Конференция Лимуд Одесса

Торжественное открытие
11 октября в 19-30

в Концертно-выставочном комплексе
Одесского морского порта.

(Ул. Приморская, 6, Морской вокзал)

В Культурном центре Хеседа
по средам с 10.00 до 11.30
работает кружок

“Вышивка из бисера”

Руководитель Инна Корсунская

Приглашаются желающие

овладеть интересной методикой.

Справки по тел. 737-40-13

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИМЕНТОВ БФ “ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН”

С 95-летием

Перельман Елизавету

С 90-летием

Добровольскую Бэлу

Ангелову Славу

Горбатову Анну

Лесину Риту

С 85-летием

Сигалуса Семена

Фишера Григория

Колчинского Владимира

Годовенко Тамару

Шипило Валентину

Копейко Любовь

Хмельницкую Елизавету

Краснова Иосифа

Баума Бориса

Белорукову Надежду

С 80-летием

Каминского Валентина

Гроссман Иду

Кецлер Риву

Асиновскую Софью

Дубицкую Надежду

Панскую Русю

Кельмана Григория

Басина Михаила

Граника Владимира

Спивак Мусю

Ирху Надежду

Крутий Марию

Нестеренко Деонисию

Орлову Славу

Шибанову Нину

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧИЧНИКОВ — ВОЛОЧИТЕРОВ БФ “ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН”

Абрамович Валентину

Александровскую Ирину

Владимирскую Надежду

Герину Ларису

Гоноровского Владимира

Гроссман Иду

Журавскую Полину

Корчевскую Киру

Маргулис Лину

Мышлякову Раису

Попову Юлию

Портову Марию

Сергиенко Мару

Суряднову Раису

Учителя Бориса

Фишензон Фаину

Хворостину Валентину

Улыбка

— Николай Николаевич, как вам не стыдно? Вы сорок лет прожили с женой, а теперь оставили ее и женились на молодой!

— Да что вы понимаете! Со старой женой ночью измучаешься: то ей валидол подай, то капли, то форточку открой-закрой. Ужас! А с молодой как хорошо: вечером уйдет, утром придет, всю ночь спишь спокойно.

— Рабинович, у вас есть возможность откладывать деньги?

— Возможность есть, денег нет.

— Эдик, как ты думаешь, увести чужую жену сложно?

— Увести несложно — сложно вернуть ее обратно.

— В юности гадалка сказала мне, что я все деньги буду тратить на женщин.

— И на многих ты потратил?

— Сейчас у меня жена и три дочки. На них я и трачу все деньги. А когда-то все как-то по-другому представлялось...

— Дорогая, поделись со мной секретом этого пирога.

— Неужели ты хочешь для меня сам испечь пирог?

— Нет, дорогая, я хочу произвести революцию в цементной промышленности!

— Алле, это ОБХСС?

— Да.

— Скажите, который час?

— Ноль часов ноль минут.

— Алле, это ОБХСС? Это Рабинович. Который час?

— Ноль часов три минуты...

— Алле, это ОБХСС?

— Послушайте, Рабинович, заберите обратно будильник, который мы конфисковали, и не морочьте нам голову.

— Рабинович, у вас есть дача!

— Так разве это плохо?

— У вас есть машина!

— Так разве это плохо?

— У вашей жены — норковая шуба!

— Так разве это плохо?

— Но ваша зарплата — всего пятьсот гривен, не про нас будь сказано!

— Так разве это хорошо?

— Ты знаешь, кто был Исаак Левитан?

— Нет...

— А кто был Авраам Линкольн?

— Тоже не знаю.

— А я знаю, потому что каждый вечер хожу то на лекцию, то в музей.

— Молодец... А ты знаешь, кто такой Мойша Хаймович?

— Нет. А кто он?

— А это тот, кто ходит к твоей жене, пока ты ходишь то на лекцию, то в музей.

— Алло! Привет! Ну, как жизнь?

— Замечательно.

— Замечательно? Извините, я, наверное, не туда попал.

— Ну и животик же ты отрастил...

— Ой, что ты! Разве это животик?!

— А что же это тогда?

— Это не животик! Это комок нервов!

— Эдик, где ты был всю ночь?

— У Фимы.

— А что ты там делал?

— В шахматы играл.

— В шахматы! А пахнет от тебя водкой!

— А чем от меня, по-твоему, должно пахнуть? Шахматами?!

Учредитель и издатель —
БФ “ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН” (г. Одесса)

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.

Отпечатано в Одесской типографии ООО “ВМВ”, ул. Добровольского, 82-а
Тираж — 2500 экз. Зак. №

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А.Креймер, Ф.Мильштейн
Компьютерная верстка
И. Глаголевский

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
E-mail: hesed.odessa@gmail.com
www.hesed—odessa.com